

Олег Шваков

ШКВАЛ НАД ФИОРДАМИ

роман

18+

И НА ВРАЖЬЕЙ ЗЕМЛЕ – 3

Олег Шушаков

Шквал над фиордами

<https://litres.ru/74085374>

SelfPub; 2026

Аннотация

...Ранняя весна сорокового года. Фашистская Германия оккупировала Норвегию, на сутки опередив экспедиционные войска союзников. В результате чего славу самого вероломного агрессора всех времён и народов стяжал рейхсканцлер III-го Рейха Адольф Гитлер. А не премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен. Так и оставшийся в памяти благодарного человечества главным «миротворцем». Несмотря на то, что именно он развязал Вторую Мировую войну.

Так было. А что было бы, если бы задержался выход в море не англофранцузского, а германского десанта? И первыми в страну фиордов ворвались союзники. В связи с чем, отстаивать её свободу пришлось бы не Антанте, а Германии. При участии Союза ССР. Который мог воспользоваться благоприятными обстоятельствами и освободить братский народ саамов от феодального гнёта и белонорвежской неволи.

А, ведь, всё могло случиться именно так..

Содержание

От автора	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	55
Глава 4	80
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Олег Шушаков

Шквал над фиордами

От автора

...Ранняя весна сорокового года. Фашистская Германия оккупировала Норвегию, на сутки опередив экспедиционные войска союзников. В результате чего славу самого вероломного агрессора всех времён и народов стяжал рейхсканцлер III-го Рейха Адольф Гитлер. А не премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен. Так и оставшийся в памяти благодарного человечества главным «миротворцем». Несмотря на то, что именно он развязал Вторую Мировую войну.

Так было. А что было бы, если бы задержался выход в море не англофранцузского, а германского десанта? И первыми в страну фиордов ворвались союзники. В связи с чем, отстаивать её свободу пришлось бы не Антанте, а Германии. При участии Союза ССР. Который мог воспользоваться благоприятными обстоятельствами и освободить братский народ саамов от феодального гнёта и белонорвежской неволи.

А, ведь, всё могло случиться именно так...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ УЛЕТАЮТ ЛЁТЧИКИ

*Мы войны не хотим, но себя защитим –
Оборону крепим мы не даром.
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!*

*На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!
В. Лебедев-Кумач*

Глава 1

...Странная штука – жизнь. Полосатая как африканская лошадь.

Давным-давно, в дореволюционном детстве, Сергей видел такую. В заезжем цирке-шапито.

Ярко размалёванные цирковые тарантасы ехали по единственной мощёной улице их маленького уездного городка. Играл оркестр. Силач подбрасывал огромные гири, акробаты кувыркались и ходили на руках, а клоун громко хохотал, уморительно спотыкался и всё время падал.

Диких зверей везли в клетках. А за ними вели стройных скакунов с высокими султанами из перьев. И африканскую лошадь.

Лошадь была необычной масти. Белая в чёрную полосу. В смысле, полосатая. Как человеческая жизнь.

Хотя, как подсказывает опыт, на самом деле всё было наоборот. Полоски были белые. А лошадь – чёрная. Как человеческая жизнь. С той лишь разницей, что на лошадиной шкуре полоски одной ширины, а в жизни белые гораздо уже. Чёрных...

На Судьбу Сергей не сетовал. И в собственных ошибках никого кроме себя винить не собирался. Но самому себе, будь у него такая возможность, за эти ошибки вломил бы по первое число.

Впрочем, желающих это сделать и без него оказалось более чем достаточно. И по первое число ему уже вломили. Более чем. Достаточно. Невзирая на прежние заслуги и пролетарское происхождение.

Решение Военного совета КБФ было суровым: «За недостойное поведение, дискредитацию звания и чести красного командира привлечь к партийной ответственности и предать товарищескому суду чести командного, политического и начальствующего состава».

Кончилась белая полоска...

На суде товарищи церемониться с ним не стали, резали правду-матку и единогласно постановили. Ходатайствовать перед командованием. О снятии с должности и понижении в звании. А на партсобрании, опять же единогласно, вкатили ему строгача с занесением.

Вот так Сергей и оказался по второму разу в лейтенантах. Полторы лычки на рукаве. На седьмом году службы! С разбитым корытом. У самого синего моря. Как старуха Изергиль. Из сказки писателя А.С. Пушкина.

Лейтенант Шамшурин. Бывший капитан. Бывший комэска. Бывший орденосец.

Хорошо, хоть партийный билет не отняли. И из кадров не вычистили. На хрен.

А могли! Если бы всё это не произошло в ресторане. На глазах у посторонних граждан. Которые потом дали показания в милиции, что конфликт разгорелся на бытовой поч-

ве. По причине личной неприязни. Что пострадавший интендант 1-го ранга сам был пьян. И всячески нарывался. Пока не поймал хук справа.

Словом, случись это всё в другое время и в другом месте, товарищеским судом дело бы не обошлось. А попало, куда следует. Со всеми вытекающими. И прощай Родина! Статья пятьдесят восемь – восемь. В смысле, террористический акт против представителей или деятелей. Не ниже трёх лет с конфискацией. Как минимум. Или высшая мера социальной защиты. Как максимум.

Так что, можно сказать, ему ещё повезло. Постоял на партсобрании. И во время суда. Молча. Глазами в палубу. Сдал эскадрилью помкомэска. По акту. Расписался в приказе. И спорол галуны с кителя. Прямо в кабинете у комполка.

– Николаев и Петренко завтра убывают в Москву, – сказал Бартновский, мрачно наблюдая за процедурой. – Заслуженные боевые награды получать. А твоё представление Военсовет флота отозвал. И правильно сделал! Скажи «спасибо», что легко отделался. Если бы не отличился месяц назад, пошёл бы под трибунал!

– Спасибо, – сказал Сергей. – Разрешите идти?

– Иди уже, – поморщился майор. – Глаза бы мои тебя не видели!

Сергей чётко, по уставу, повернулся налево-кругом. И, печатая шаг, вышел из кабинета. Услышав вслед:

– И, не дай Бог, сядешь на стакан! Спишу с лётной работы

к чёртовой матери! В баталёры! Селёдку выдавать...

«Да, полоса чернее некуда, – подумал он. – Однако никогда не бывает так плохо, что не могло бы стать ещё хуже!».

Зла на командира Сергей не держал. А даже наоборот. Испытывал перед ним чувство вины. Потому что подвёл.

Бартновского он знал уже давно. Служил вместе с ним в Севастополе. В 106-й морской тяжёлой бомбардировочной авиабригаде Морских сил Чёрного моря, попав в его авиаотряд сразу после окончания Высшей школы морских лётчиков и летнабов ВВС РККА имени товарища Сталина. В начале тридцать пятого года.

Сначала был младшим лётчиком. Затем – старшим. С его подачи был направлен на курсы командиров звеньев. И получил звено. Потом пошёл на повышение и был переведён на Балтику. Комотряда в 105-ю авиабригаду.

Тогда, весной тридцать седьмого, их пути разошлись. Но, как оказалось, ненадолго. В тридцать девятом Бартновский был назначен командиром 15-го морского бомбардировочного (впоследствии – разведывательного) авиаполка ВВС КБФ. Сформированного на базе тяжёлой бомбардировочной бригады, в составе которой летал Сергей. Dorосший к этому времени до комэска. И капитанских нашивок.

Которые теперь пришлось отпаривать...

Выйдя из штаба полка, Сергей вынул из пачки беломорину, и чиркнул спичкой, прикуривая.

С залива тянуло прохладой. Накатываясь на бетонный

спуск, шуршали волны. А над головой шелестели вековые деревья. Которые, по слухам, сажал ещё Пётр Великий.

Солнце висело уже над самой трубой кожевенного завода. Полёты закончились. Краснофлотцы в прорезиненных комбезах подтянули к берегу и завели на перекатное шасси последний «амбарчик». Чтобы вытащить его и установить рядом с остальными. Которые сохли на манёвренной площадке.

По-хорошему надо было бы зайти в ангар и попрощаться с парнями. Поздравить с наградами. И всё такое. Но болтаться по авиабазе с отпоротыми галунами не хотелось. Неровен час, нарвёшься на кого-нибудь из Управления ВВС флота, которое размещалось тут же, по соседству.

Настроение у Сергея было не ахти. И он запросто мог сорваться. И ответить не по уставу. На замечание какой-нибудь береговой крысы. С широкими нашивками. И это могло плохо кончиться.

«Ладно, – подумал Сергей. – Потом поздравлю».

Он вздохнул. В который раз уже, последними словами ругая себя за эту историю. В ресторане.

Флаг-штурман эскадрильи старший лейтенант Николаев был награждён орденом Красной Звезды, стрелок-радист отделком Петренко – медалью «За отвагу».

Если бы его не занесло тогда в кабак, если бы не наткнулся он тогда на этого интенданта! Собирался бы сейчас в Москву вместе с ребятами. За орденом Красного Знамени...

Тот достопамятный вылет состоялся месяц назад. В начале августа. Они должны были произвести аэрофотосъёмку белофинских береговых батарей, державших под прицелом Сейскарский плёс и вход в Выборгский залив.

По данным разведотдела штаба флота на острове Пуккио находилась двухорудийная восьмидюймовая батарея, на мысе Сатаманиеми – четырёхорудийная шестидюймовая, на мысе Ристиниеми – двухорудийная двенадцатидюймовая, на острове Тиуринсари – трёхорудийная шестидюймовая, на острове Койвисто – шестиорудийная девятидюймовая.

Расположение некоторых из них было известно. Поскольку эти батареи стояли здесь с царских времён. Однако большая часть орудий была установлена в середине двадцатых годов. И их позиции нуждались в уточнении.

А ведь ещё совсем недавно за нарушение госграницы виновники сразу шли под трибунал.

Так, всего полгода назад, под суд угодил экипаж младшего лейтенанта Князева из 43-й эскадрильи, заблудившийся из-за неисправного компаса и залетевший в воздушное пространство Финляндии. Погода была неважной. Они какое-то время шли над облаками. И потеряли ориентировку. Потому что штурман лейтенант Крылов не вёл счисление! Понадеявшись на «авось». А контролёр полёта лейтенант Грунин ни хрена не контролировал! Понадеявшись на штурмана.

Оказавшись в сложной ситуации, молодой пилот не растерялся. Прорвал плотную облачность. Сумел определить ме-

стоположение по береговой линии. И вернулся на свой аэродром.

Тем не менее, все трое были осуждены. А что вы хотите? Измена Родине! В смысле, перелёт за границу. Совершенный военнотружущими. Карается расстрелом. Статья пятьдесят восемь – один, пункт «б». При этом совершеннолетние члены семьи изменника, если они чем-либо способствовали или хотя бы знали, но не довели до сведения, караются тем же самым. А остальные совершеннолетние ЧСИР – ссылкой в отдалённые районы. Статья пятьдесят восемь – один, пункт «в».

Случись это двумя годами раньше, получили бы ребятки по полной программе. Но, на их счастье, год на дворе был уже не тридцать седьмой! А тридцать девятый.

Изучив материалы дела, военный трибунал учёл отсутствие у обвиняемых злого умысла и принятые ими меры по предотвращению перелёта, их положительные партийно-комсомольские и служебные характеристики, а также плохие метеоусловия и техническую неисправность средств навигации. И ограничился лишением свободы на десять лет.

Всю весну особист упоминал об этом приговоре во время инструктажа перед полётами вдоль границы. И предупреждал об ответственности.

А ведь, они – разведчики! И должны летать над чужой территорией. Где надо! И когда надо! А им приходилось летать только над своей. Да ещё всё время оглядываться. Чтобы, не

дай Бог, не зацепить крылом заграничное облако!

И лишь в августе в штабе полка появилось распоряжение об усилении воздушной разведки белофинских военно-морских баз, аэродромов и береговых батарей...

Финляндия ещё в тридцать пятом году заявила о своём нейтральном статусе. И заключила с Советским Союзом пакт о ненападении. Но, невзирая на это, постоянно устраивала провокации на рубежах СССР. Потому что люто ненавидела первое в мире государство рабочих и крестьян. Будучи буржуазно-помещичьей республикой. И служанкой Антанты.

А ещё потому, что финны люто ненавидели всё русское.

Веками лизавшие сапоги своим шведским господам, они ненавидели русских за то, что те никогда не пресмыкались перед шведами. А регулярно их били. На Неве и под Полтавой. При Гангуте и Гренгаме. У Роченсальма и под Свеаборгом. Пока шведы не зарубили себе на носу. Что. Русские долго запрягают, да быстро ездят. И лучше к ним не лезть. Во избежание повторения учения. Которое мать его.

Однако опыт истории учит, что он никого ничему не учит.

Все последние годы, науськиваемая англофранцузами, Финляндия безудержно вооружалась. Строила броненосцы и подводные лодки. Закупала самолёты и танки, пушки и миномёты. Возводила новые укрепрайоны на советской земле, захваченной в годы Гражданской войны и интервенции. Мечтая захватить ещё больше. Весь Кольский полуостров! Вместе с Мурманском. Всю Карелию! Вместе с Петроза-

водском. Весь Карельский перешеек! Вместе с Ленинградом. Чтобы сделать Ладожское и Онежское озера своими внутренними водоёмами. И захлопнуть прорубленное царём Петром окно в Европу, навсегда отрезав Советский Союз от Балтики.

И эти планы были не такими уж фантастическими.

Международная обстановка накалялась с каждым днём. Антанта откровенно бряцала оружием. Италия оккупировала Абиссинию. Германия присоединила Австрию. И проглотила Судеты. А затем – Богемию и Моравию. Польша аннексировала Тешинскую область, а Венгрия – Южную Словакию и Подкарпатскую Русь. Испанская республика пала. Япония захватила Маньчжурию и Северо-Восточный Китай. А теперь напала на дружественную Монголию.

Вот, командование и спохватилось. Наконец-то. Что имеет весьма смутное представление о вероятном противнике. И почти ничего не знает. Ни о его военно-морских базах, ни о его аэродромах, ни о его береговых батареях. И это надо срочно исправлять!

Словом, вместо категорического запрета, вплоть до высшей меры, они получили прямой приказ. Опять же, вплоть до высшей меры. За его невыполнение.

Утро в тот день выдалось просто замечательное! Ясное и безветренное. В бесконечной глубине выцветших до белизны небес, всюю припекая, сияло Солнце. Полосатая колбаса ветроуказателя на мачте возле центрального поста управле-

ния висела совершенно неподвижно. И даже листья на деревьях не трепетали. Замерев, словно краснофлотский строй на полубаке по команде «На флаг и гюйс, смирно!».

Сказать, что Сергей ничуть не волновался, было бы неправдой.

За минувшие годы он налетал не один десяток тысяч километров. И днём, и ночью. И в простых метеоусловиях, и в сложных. Участвовал в манёврах. И в морских, и в сухопутных. Ходил на разведку. Водил звено, отряд и эскадрилью. На бомбометание и стрельбы. Но даже самые трудные вылеты были всё-таки не боевыми, а учебными.

В отличие от этого. Который, впервые в его жизни, был по-настоящему боевым. И могло произойти всякое.

Хотя на Балтике было ещё далеко до войны, выстрелы здесь никогда не смолкали. Страна, чьи границы ему предстояло нарушить, сама всё время нарушала советские границы. Стреляла из-за угла по мирным погранпостам. И засылала шпионов, диверсантов и убийц.

Ему предстояло пройти над финской территорией двести километров. Провести свой самолёт над множеством военных объектов. Среди бела дня! На высоте тысячи метров. Со скоростью всего сто шестьдесят шесть километров в час. То есть, практически ползком.

Их могли обстрелять с земли. И попытаться сбить.

И, скорее всего, обстреляют! И обязательно попытаются. И всяко может быть.

На такой случай имелся приказ. Плёнку уничтожить. Вместе с сигнальной книгой и полётными картами. Утопить. Если их собьют над морем. Для чего в отсеке у летнаба был припасён мешок с гирей. Или сжечь. Если это случится над сушей. Для чего была припасена канистра с керосином.

Серебристый «амбарчик» Сергея с красной семёркой на руле поворота тихо покачивался возле спуска. Зеленоватая-серая гладь Ковша Галерного фарватера искрилась яркими бликами. И глухо плескалась под реданами летающей лодки. Перекатное шасси уже убрали. Можно было выруливать на взлётную полосу.

Поворочав штурвал и подвигав педалями, он привычным взглядом окинул приборную доску, щёлкнул замком откидного сегмента фонаря и поправил привязные ремни.

– Штурман к полёту готов, – высунувшись из своего люка, громко отрапортовал Николаев.

Виктор заметно нервничал, изо всех сил пытаясь скрыть возбуждение. Но ему это не очень удавалось.

Сергей подмигнул ему. И ободряюще улыбнулся.

– На ЦПУ поднят флажный сигнал «Добро»! – доложил стрелок-радист Петренко по переговорному устройству. В конце фразы сорвавшись на фальцет. И смущённо замолк.

У них у всех сегодня был первый боевой вылет!

– Есть «Добро», – ответил Сергей, включил зажигание и открыл воздушный вентиль. – На старт, внимание, марш!

Зашипел сжатый воздух. Прочихавшись и выбросив клу-

бы чёрного дыма, запустился мотор. Лопасты винта качнулись и, набрав обороты, превратились в прозрачный диск. Самолёт плавно тронулся с места и, вспенивая форштевнем воду, направился к выходу из гавани.

Фарватер был чист. И они взлетали с ходу. В направлении зюйд-тень-вест. Как всегда это делали в штиль.

Когда башня восточного кроншпица Шкиперского канала оказалась на траверзе правого борта, Сергей передвинул сектор газа вперёд. Заревел мотор, и спинка кресла толкнула его навстречу горизонту. Быстро разгоняясь, МБР приподнялся над водой, переходя на глиссирование. Сергей потянул на себя штурвал. И оторвал машину от поверхности воды.

Набрав тысячу метров, он взял курс на Запад.

Ближайшие три четверти часа им предстояло идти вдоль берега. Сначала над Невской Губой, потом над Копорской и Лужской. Исхоженным на сто рядов маршрутом. Гребной порт – маяк Шепелевский – мыс Колганпя – посёлок Курголово.

А потом начнётся самое интересное. Меняя курс и высоту, им надо будет обойти морем белофинские посты воздушного наблюдения, оповещения и связи на островах Хогланд, Лавассари, Хапасари и Сомери. И выйти к острову Патио. Затем снова подняться до тысячи метров. И приступить к выполнению поставленной задачи – фотосъёмке береговых батарей на северном берегу Выборгского залива и островах Тиуринсари и Койвисто. И отснять. Столько, сколько успе-

ют...

Впрочем, они были не так уж и беззащитны. Морской ближний разведчик МБР-2-АМ-34НБ помимо аэрофотоаппарата АФА-13 (формат кадра – 18 x 18 см; ёмкость кассеты – 150 кадров) и ракетного пистолета Вери с двадцатью девятью патронами со звёздками белого, зелёного и красного цвета имел на вооружении две турельные установки Тур-8 (переднюю открытую и заднюю экранированную), по ШКА-Су в каждой (пулемёт Шпитального – Комарицкого авиационный скорострельный, калибр – 7,62 мм; скорострельность – 1800 выстрелов в минуту; боекомплект – 750 патронов). И мог нести до полутонны фугасных бомб на внешней подвеске.

Кроме того, в качестве оборонительного средства можно было применить штатный багор. А также бросательный конец с кошкой.

«Но это уже в самом крайнем случае! – усмехнулся Сергей. – Разве что во время абордажа».

А вообще «амбарчик» был отличной машиной! Несмотря на все свои недостатки. Которые, по сути, были всего лишь продолжением его достоинств. И расплатой за них.

Да, у него была невысокая максимальная скорость. Всего двести сорок пять километров в час. Зато он мог взлетать с воды. И садиться на воду. А после установки колёсного шасси – использоваться с сухопутных аэродромов. В том числе, зимой. С ледяных и снежных полей. После замены колёс на

лыжи.

Дальность полёта (тысяча двести тридцать километров) тоже была невелика. Но в том-то и дело, что это был не предел! Герой Советского Союза Полина Осипенко, светлая ей память, в прошлом году установила рекорд дальности, за десять с половиной часов преодолев две тысячи четыреста шестнадцать километров от Севастополя до Архангельска.

Зато потолок у них был что надо! Та же Полина Осипенко тонну груза забросила на семь километров. Полтонны – на восемь. А без груза поднялась почти на девять!

Рекорды были женскими, ясное дело. И установила их она на специально оборудованной машине. Тем не менее, факт остаётся фактом. И отлично характеризует возможности самолёта.

До места они добрались без приключений. Пройдя в аккурат посерединке между островами Хогланд и Лавассари. На высоте ста метров. В двадцати километрах и от того, и от другого. А потом между Хапасари и Сомери. Также посередине. И на той же высоте.

При таком профиле полёта обнаружения можно было не опасаться. Наземные наблюдатели, даже в сильный бинокль, могли заметить воздушную цель на расстоянии не более десяти километров. Если заранее знали, куда смотреть. Но, как говорится, бережёного – Бог бережёт!

Впрочем, это было уже не важно. Выйдя к острову Патио, Сергей выравнивал «амбарчик» и дальше вёл его как по ни-

точке от батареи к батарее.

Нервы у него были на пределе. Они еле-еле ползли по небу! Под прицелом вражеской ПВО. Но минуты шли, а по ним никто не стрелял. Вплоть до Койвисто.

До окончания съёмки оставалось не более минуты, когда прямо по курсу вспухло небольшое чёрное облачко. А потом ещё одно. Рядом. И ещё. И снова. Всё ближе и ближе.

Летающую лодку трясло как на кочках.

Под зенитным огнём ему бывать ещё не приходилось. Но Сергей почему-то сразу понял, что это он и есть. Что по ним стреляют. И это было оч-чень неприятно!

И дело было не в страхе смерти. Сергей знал, что может сегодня попасть под вражеский обстрел. Что его могут ранить. И даже убить.

Смерти он не боялся. Во-первых, потому что относился к ней, как к неотъемлемой части бытия. Вдоволь насмотревшись на покойников, пока подрабатывал землекопом на кладбище. Чтобы поддержать бюджет молодой семьи. Во-вторых, потому что смерть была неотъемлемой частью торжественной клятвы. Которую он дал трудовому народу, вступая в ряды Рабоче-Крестьянского Красного Флота. А в-третьих, потому что смерть была неотъемлемой частью его профессии. Ведь, он был лётчиком. Да не просто лётчиком. А военным! Да не просто военным. А военно-морским! И каждый день рисковал жизнью. Потому что поднимался в небо. Рискуя ей вдвойне, потому что поднимался с бомбами. И да-

же втройне. Потому что летал не над сушей, а над морем.

Нет, страх смерти тут был ни при чём.

Он никак не мог прийти в себя от мысли, что это стреляют именно в него! Никак не мог поверить, что это хотят убить именно его! Не кого-нибудь где-нибудь. А именно его!

Потому что это невозможно! Потому что это неправильно! Потому что это нельзя!

Но он сидел не в кинозале Дома культуры ВЦСПС имени товарища Кирова. А в морском ближнем разведчике. В какой-то тысяче метров от вражеских зениток. Которые стреляли. И стреляли, именно, в него!

Осознав, наконец, происходящее, Сергей пришёл в себя.

Всё пространство вокруг самолёта было усеяно чёрными кляксами разрывов. Несчастный «амбарчик» трясло, мотало и подбрасывало. Как бричку на ухабистой дороге. Но он летел.

Сергей окинул быстрым взглядом приборную доску. Альтиметр. Гирокомпас. Указатель поворота и скольжения. Скорость. Вариометр. Наддув. Счётчик оборотов. Температура масла. Температура воды. Давление масла. Давление бензина. Всё было в ажуре!

Он вздохнул с облегчением. И тут их потрянуло так, что у него клацнули зубы. По корпусу глухой дробью прошлись тупые удары. Зенитный снаряд разорвался совсем близко. И несколько осколков залетело внутрь. Оставив отверстия со сколами и трещинами в фанерной обшивке и остеклении ка-

бины. Но его не задело. Кажется.

– Экипажу доложить о повреждениях! – приказал он.

– Штурман в порядке, – отозвался Николаев. – В кабине дыра на дыре. Но камера цела.

– Стрелок-радист в норме. И турель, – доложил Петренко.

– А станцию немножко зацепило.

– Твою мать! Растак её, и так, и эдак! – выругался Сергей.

– Никита, проверь по-быстрому. Может, ничего страшного.

– Проверю, товарищ капитан, – Петренко замялся. – Только тут такое дело... Короче, бензин по центроплану хлещет.

Сергей и сам уже заметил, что с мотором что-то не так. Стрелки на манометрах дёргались возле нуля. Давление упало. Обороты тоже. Двигатель чихнул несколько раз. И остановился. И уши как ватой заложило, такая вдруг тишина настала! Только ветер свистел за бортом.

Водонепроницаемая дверка первого отсека распахнулась. В проёме показался Виктор и спросил озабоченно:

– Что будем делать, командир?

Сергей убрал газ и перекрыл подачу горючего:

– Садиться будем! А там посмотрим. Сколько до границы?

– Тридцать пять километров.

– Так, – нахмурился Сергей. – Мешок приготовь! Но без команды плёнку не свети. Может, ещё выкрутимся.

Николаев кивнул и задраил в своём отсеке.

Как только мотор заглох, Сергей направил подбитую машину в сторону плёса, и теперь планировал, пытаясь увести

её как можно дальше от негостеприимного острова.

– Что с радиостанцией, Никита? – спросил он.

– Хана, товарищ капитан. Все лампы разбиты.

– А запасные...

– И запасные!

– Твою мать! Растак её, и так, и эдак!

Высоты уже совсем не было. Самолёт скользил всего лишь в паре метров над водой. Покрытой мелкой зыбью.

Удерживая машину, Сергей напряжённо смотрел за борт, примеряясь перед приводнением.

– Экипажу приготовиться к посадке!

Днище летающей лодки коснулось поверхности плёса. Привязные ремни врезались ему в плечи. МБР нёсся вперёд, понемногу замедляя свой бег. И оседая всё ниже. Неровный шорох трения скул реданов о воду постепенно сменился глухими боковыми ударами. Теряя скорость, «амбарчик» развернулся против ветра. И закачался на волнах.

Сели...

Быстро отстегнув ремни и скинув лямки парашюта, Сергей встал на сиденье и вылез на центроплан. Чтобы осмотреть отказавший мотор.

И присвистнул.

Радиатор был цел. И на коже ни царапины. И никаких других видимых повреждений. Но это не утешало. Осколком снаряда перебило бензопровод. Рваные концы дюралевой трубки торчали в стороны. И это была финита ля-ля...

Нешадно палило Солнце. Сергей смахнул пот со лба. Сбросил краги и меховой реглан. И огляделся.

Белофинский берег был совсем рядом. В каком-то десятке кабельтовых.

Подбитый самолёт с красными звёздами на фюзеляже сидел посреди залива. Как подраненная чайка на волне. У всех на виду. Но никто по ним больше не стрелял.

«А смысл? Куда им теперь деваться?! Мать твою! Растак её, и так, и эдак! – мысленно выругался Сергей. – Придёт сторожевик. Возьмёт на буксир. И оттащит в ближайший порт. В Койвисто. А, может, сразу в Виипури. В шюцкоровские застенки. К Маннергейму на допрос. И прощай Родина!»

Ну, уж нет! Он не на шутку разозлился. Нет уж! Такого удовольствия они шюцкорамам не доставят! Лучше тогда уже как «Варяг» и «Кореец»! Последний парад и точка! Кингстонов у них нет. И все отсеки водонепроницаемые. Но борта – фанерные. И днище. А чем пробить найдётся!

– Кассета с плёнкой, сигнальная книга и полётные карты к затоплению приготовлены! – поднявшись в полный рост в носовом люке, отрапортовал Николаев.

– Добро! Как думаешь, сколько у нас времени?

– Отсюда до Койвисто восемь миль ходу. Если идти самым полным, минут двадцать пять – тридцать на катере.

– Выходит, не больше получаса на всё про всё.

Виктор кивнул.

– Какие будут приказания, товарищ капитан? – просунул

голову в пилотскую кабину Петренко.

– Раз финики стрельбу задробили, значит, уже вызвали помощь. Думают живыми нас взять, сволочи! А, вот, и хрен им! Морской и узловатый. По всей ихней белофинской роже! – прищурился Сергей. – Экипаж, слушай боевой приказ! Когда шюцкору явятся, будем отбиваться из пулемётов. А потом из личного оружия. До последнего патрона. Самолёт подготовить к взрыву! Покажем этим гадам, как умеют сражаться советские морские лётчики!

– Покажем! – ответили ребята.

Лица обоих были полны решимости. Хотя и побледнели. Слегка. А кто не побледнел бы?! Перед первым боем. Который очень даже может стать последним!

– Но это потом. Это успеется. А пока пошарьте по отсекам. Может, найдётся что-нибудь. Кусок дюралья. Резина. Или жесь. Вот, такой ширины, – развёл он ладони. – Надо срastить концы бензопровода, Давайте, парни! У нас ещё целых полчаса!

Они кивнули и исчезли в своих отсеках.

Сергей прыгнул в кабину, подхватил сумку с инструментом и снова вылез на центроплан. Пришло время вспомнить родное паровозное депо станции Новосибирск Томской железной дороги, деповскую школу фабрично-заводского ученичества имени товарища Шварца. И навыки слесаря-ремонтника.

Выпрямив зазубрины плоскогубцами, он быстро подрав-

нял края трубки кусачками и прошёлся напильником по заусенцам. Можно было соединять. Если бы было чем.

Он постучал кулаком по крылу:

– Ну, что? Нашли?

Виктор с Никитой вынырнули из своих турелей и помотали головами.

– Понятно, – сказал Сергей.

А потом спустился вниз. Решив самолично убедиться. Что ничего нельзя приспособить вместо этой треклятой трубки.

Для начала он осмотрелся в собственной кабине. Ища, чего бы раскурочить, оторвать, отломать. Дабы пустить в дело. Но ничего подходящего не нашёл. И сунулся в первый отсек. К штурману. Но и там поживиться было нечем.

Однако не зря же в песне поётся – кто ищет, тот всегда найдёт!

В третьем отсеке между двенадцатым и четырнадцатым шпангоутами были установлены дополнительные бензобаки. И резервный 47-литровый бак с маслом, подключённый к основной магистрали резиновым шлангом. И это было именно то, что требовалось! Сняв шланг, Сергей кинулся наверх.

Как оно и положено в таких случаях, диаметр шланга оказался гораздо больше, чем диаметр бензопровода. Но это была уже сущая ерунда!

Оторвав от тельника подол, Сергей обмотал концы трубки, плотно загнал их в шланг, и затянул хомутиками.

– По местам! – скомандовал он штурману и стрелку, ко-

торые следили за ним, затаив дыхание.

И в этот момент из-за южной оконечности острова показались два белофинских сторожевых катера. Утопая в пенных бурунах, они быстро приближались к замершей на мелководье большой серебристой птице.

Но было уже поздно!

Сергей запустил мотор. И начал разбег. Тридцать секунд, необходимые для взлёта, показались ему ужасно долгими. Но всё-таки миновали. Разогнавшись, «амбарчик» оторвался от воды. И финны отстали.

Но ненадолго.

До границы было не больше четверти часа лёту. Однако добраться до неё оказалось не так просто. Не прошло и нескольких минут, как двигатель опять замолк.

– Штурман, к мотору! – скомандовал Сергей, не выпуская из рук штурвала. – Быстро!

Самолёт ещё мчался по воде, поднимая тучи брызг. А старший лейтенант Николаев уже вскарабкался на центроплан. И рвал на себе рубаху. Следуя командирскому примеру.

Во время короткого полёта из-за сильной вибрации резиновый шланг сорвался с бензопровода. И надо было всё соединять по новой.

Пока они чинились, подоспели преследователи. И с ходу, на предельной дальности, открыли пулемётный огонь. Надеюсь достать ускользающую добычу на взлёте.

Но добыча тоже умела кусаться! Зазвенел ШКАС Петренко. И прозрачный морской воздух наполнили зелёные ро-счерки трассирующих пуль.

Этого финны совершенно не ожидали. Наивно полагая, что русские побоятся стрелять. Из-за врождённого миролю-бия. И во избежание дипломатических осложнений. А они не побоялись! И это подействовало на противника как ушат ледяной воды. Катера тут же заткнулись. И, едва не перевер-нувшись, резко отвернули. Один – вправо. Другой – влево.

Отпугнув врага, краснозвёздная машина разбежалась и снова поднялась в небо. И прошла на бреющем ещё несколь-ко километров. Пока не заглохла.

Когда двигатель опять отказал, и Николаев, запрыгнув на центроплан, привычным уже движением оторвал свежую по-лосу от тельняшки, Сергей крикнул:

– Виктор! Так нам не уйти! Привяжись к раме и держи шланг руками.

Тот кивнул, воткнул шланг в бензопровод и пристегнулся к стойкам подмоторной рамы лямками подвесной системы своего парашюта. А потом уселся на парашютный ранец. И махнул рукой. Давай! Вперёд!

Это было очень рискованно. Его могло сорвать воздуш-ным потоком. И затянуть под вращающийся пропеллер. Но другого выхода у них не было.

Сергей вывел самолёт на реданы, убавил обороты и, как глиссер, помчался по зеркальной поверхности плёса. Оста-

вив финнов далеко позади.

Без достаточного обдува мотор начал потихоньку греться. Но граница была уже совсем близко. И вскоре белофинские катера прекратили преследование. И ушли. Во избежание дипломатических осложнений...

Нежаркое сентябрьское Солнце уже катилось к горизонту, когда новоиспечённый лейтенант Шамшурин вышел за ворота гидроавиабазы. В старые добрые времена Сергей непременно завернул бы в ближайшие «Пиво-Воды». На Малом Гаванском. Но он только вздохнул. И прошагал мимо.

Если майор Бартновский что-то обещал, он это делал. Поэтому рисковать не стоило.

«И так уже доигрался, – покосился Сергей на свои рукава с тёмными пятнами вместо нашивок. – Пора завязывать! Пока на самом деле от полётов не отстранили!».

Глубоко задумавшись, он брёл по проспекту. Автоматически козыряя в ответ на приветствия краснофлотцев. И сам не заметил, как оказался у трамвайного кольца. На конечной. Возле Василеостровского Дома культуры.

Там, где всё это началось.

Два года тому назад...

Глава 2

...Не зря в народе говорится – Судьба играет человеком, а человек играет в «дурака».

Без капитанских галунов Сергей чувствовал себя словно голый. Из знаков различия на нём осталась лишь форма одежды. Командирская фуражка со сменным чехлом белого цвета, летний белый китель с нарукавным знаком красноармейца да чёрные брюки на выпуск.

Был отважный капитан. Да весь вышел...

А, ведь, ничто этого не предвещало. И служба шла, как по маслу. И он уже думал, что вот-вот догонит, наконец, своих одноклассников. Уже имевших ордена, ставших полковниками и майорами, прославившихся в Заполярье, на Дальнем Востоке и за Пиренеями. Пока он у слесарных тисков с напильником стоял. В родном паровозном депо. А потом зубрил сопромат. В Новосибирском путевско-строительном институте инженеров железнодорожного транспорта. И даже не задумывался. О службе в авиации. Особенно в морской.

Во-первых, потому что связал свою жизнь с железной дорогой ещё в двадцать четвёртом. Сразу после детдома. Когда пришёл в деповскую школу ФЗУ.

Во-вторых, потому что студенты высших учебных заведений проходили обучение на военных кафедрах. И даже на сборы не призывались. После окончания института им при-

сваивали звание «капитан» и зачисляли в запас.

А в-третьих, потому что к этому времени ему уже перевалило за четвертак. И это было совершенно не солидно. Отец семейства! Без пяти минут дипломированный инженер! Должен жить в казарме с двадцатилетними мальчишками. Маршировать в столовую и горланить строевые песни.

И вообще! Свою дань небесной романтике он отдал. Окончил школу пилотов Осоавиахима. Без отрыва. Налетался и на планере, и на самолёте. Даже с парашютом прыгал!

Между тем, именно это, в итоге, и сыграло решающую роль в его дальнейшей судьбе. Ибо. Романтизм хорош только в кино. Да в сочинениях писателя А.С. Пушкина. Про любовь. А в жизни обычно выходит боком.

В этом Сергей убеждался неоднократно. Хотя, невзирая на трудное детство и прочие тягости и лишения военного коммунизма и новой экономической политики, так и остался махровым романтиком...

Начать, однако, придётся издалека. С того дня, когда его вызвали в горком и вручили путёвку в военную авиашколу.

Он попытался объяснить, что сможет принести трудовому народу гораздо больше пользы, когда закончит институт и станет инженером-путейцем. Которых стране катастрофически не хватает. Но ему ответили, что есть такое слово «надо»! И что Партии лучше знать, где он принесёт больше пользы! А потом напомнили о сложном международном положении. И партийной дисциплине.

– Имеется указание ЦК об укреплении Воздушного флота проверенными партийцами. А у тебя пять лет партийного стажа! Рабочая закалка. И школа пилотов за спиной! Короче, Шамшурин, кончай бузить, – стукнул кулаком по столу секретарь. – Бери путёвку и езжай! Служи!

Секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) Сергей Александрович Шварц когда-то возглавлял Вокзальный райком. И до сих пор состоял на учёте в партячейке паровозного депо станции Новосибирск.

Именно Шварц дал Сергею рекомендацию для вступления в Партию. Бывая в депо, он каждый раз интересовался, как дела у крестника. И посмеиваясь, звал его «тёзка». Если же начинал обращаться по фамилии, это означало, что созревает взбучка. До того, как стать профессиональным революционером, Шварц работал грузчиком на складах потребительского общества и матерным владел в совершенстве. Так что при необходимости мог очень доходчиво изложить своё мнение.

Лезть на рожон Сергей не стал. Пожал широкую как лопата секретарскую ладонь. И отправился домой. Собираться в путь-дорогу. Размышляя, как сообщить жене о предстоящей разлуке. Ещё не зная, что расстаются они навсегда...

Нет, ничего такого! В смысле, никаких трагедий. Просто, пожив врозь, пока он учился в Ейске, они с Катериной поняли. Что немного поторопились. С регистрацией.

Могли бы и раньше понять. Да, как-то не до того было.

Пока с узлами и грудным ребёнком по съёмным углам кочевали.

Впрочем, когда им дали малосемейку, и быт налачился, всё равно было не до того.

С утра до вечера – оба в депо. После смены – она домой, а он – в военный городок. На аэродром. И до ночи – в ангарах или в мастерских. По выходным – у него полёты или прыжки, а у неё – хоровой кружок в Железнодорожном клубе «Транспортник». И так весь год!

Потом он поступил в институт. И, вообще, пошло-поехало! Днём – лекции и семинары. Вечером – читальный зал. Или кульман в чертёжке. А в свободное время – уголёк. Бери больше, кидай дальше. Чтобы семью как-то прокормить.

Короче, опомнился он от этой кутерьмы только в Ейске. Где и встретил ту, которая заполнила собой все его мысли.

Катерина ни о чём не догадывалась. Но, похоже, тоже не скучала. И сразу согласилась развестись. Сама сходила в ЗАГС, оформила развод и подала на алименты. А через полгода снова выскочила замуж.

Ну, и ладно. Жизнь есть жизнь. И никто никому не виноват. Сутьба свела. Сутьба и развела.

Зато после этого он мог жениться на Тамаре. Он и женился. Как дурак. Но об этом чуть позже.

А тогда, шесть лет назад, одолев без малого четыре тысячи вёрст, он прибыл, наконец, в город Ейск. За три недели оставив позади безкрайний простор Барабинской степи, за-

росшие кедрачом скалистые склоны Уральского хребта и берёзовые холмы Великой Русской равнины.

Звения колёсами на рельсовых стыках, почтовый поезд медленно катился вдоль бесконечных камышовых плавней, в которых спряталась река Ей. С другой стороны вагона тянулись широкие поля, охваченные защитными лесополосами.

Сергей стоял у раскрытого окна, с интересом вглядываясь в незнакомый ландшафт. Свежий ветер, изрядно приправленный паровозным дымом, трепал волосы и наполнял грудь.

Внезапно в утренней синеве, прямо над рекой, показался огромный гидроплан серебристого цвета с красными звёздами на борту и широком крыле. Которое было закреплено над фюзеляжем на высокой моторной раме и опиралось откосами на толстые бортовые поплавки.

Громко ревел мощный двигатель. Точнее, тандем из двух двигателей. Установленных на той же раме, что и крыло. Так, что один тянул, а второй толкал.

Низкий корпус небесного Тяни-Толкая имел форштевень, плоское слабокилеватое днище с острым выступом и рулевое перо. Как у настоящего корабля. А перед пилотской кабиной и за моторной рамой виднелись пулемётные установки.

– Дорнье-Валь, – восхищённо охнул Коля Шутов. – Смотри, Серёга! Как у Амундсена! На котором он на Полюс летал!

Они познакомились вчера на Ростовском вокзале. И сразу подружились. Наверное, потому, что у них было много об-

щего. Во-первых, они были с одного года. Во-вторых, оба до призыва работали на железной дороге. Один – слесарем, а другой – электромонтёром. А, в-третьих, оба призвались по партийной мобилизации.

Летучий корабль, не набирая высоты, величаво обогнал поезд и скрылся вдали.

За станцией «Старошербиновская» плавни ушли в сторону и остались позади. До Ейска было уже совсем близко. Наконец, справа показался Ейский лиман. И поезд покатился вдоль берега Азовского моря.

Хотя лиман, даже такой большой – это, конечно, ещё не море. Но это не важно!

Сергей на море ни разу не был. И смотрел во все глаза. Наслушавшись рассказов о штормах и ураганах, он представлял себе гигантские девятые валы, с ужасным грохотом разбивающиеся о скалы. И был весьма разочарован. Потому что море оказалось совсем не таким.

Тёмно-голубая морская ширь сливалась у горизонта со светло-голубой небесной. А прибрежный песок лизали волны немногим больше тех, что бывают и на Оби.

Позднее он не раз ещё убедится, насколько обманчивым оказалось это его первое впечатление. И вволю насмотрится. И на шторма, и на ураганы, и на девятые валы.

Но это будет потом...

Между тем, поезд добрался до окраин города. Свистнул у входной стрелки вокзала. Подплыл к перрону. Дёрнулся

пару раз напоследок и замер.

Будущие военморлётцы, которых в Ростове набрался целый вагон, похватали свои тощие «сидоры» и почти невесомые чемоданчики со сменой белья и туалетными принадлежностями и с весёлым гомоном устремились на выход.

На вокзале их встретили представители школы – невысокий лётчик с тремя средними нашивками и два краснофлотца.

Когда призывники кое-как построились и рассчитались по порядку, лётчик сказал:

– Сейчас мы организованно, строим, пройдем через центр в другой конец города. В карантин. После помывки – приём пищи в курсантской столовой. Далее – оформление факта прибытия, размещение и прочие мероприятия по плану первого дня и распорядку карантина.

Так и началась флотская жизнь Сергея...

Ейск ему понравился. Маленький уютный городок на берегу моря. Очень похожий на его родной Каинск.

В центре города – прямые мощёные улицы с зелёными аллеями вдоль тротуаров и купеческие особняки в один-два этажа. Выкладные кокошники, крылечки, башенки, шатры и теремки в псевдорусском стиле, всевозможные карнизы и кованые ажурные надкрыльца. И поднимающиеся над всеми остальными домами Городская управа, Гостиный двор, Вокзал, Михаилоархангельский собор и Старопокровская церковь. А на окраине – частный сектор. Избы и огороды.

Каинск, конечно, поменьше будет. В несколько раз. Опять же, грязь непролазная кругом. Даже в центральной части, на возвышенности. Не говоря уже о станционном посёлке, который превращается в настоящее болото, как только сходит снег.

Возникший как один из форпостов Московско-Сибирского тракта, Каинск двести лет был местом ссылки. И пере-сылки. По этапу. За эти годы через каинскую арестантскую тюрьму прошли пугачёвцы и декабристы, польские повстанцы и петрашевцы, народовольцы, эсеры и большевики. Что же касается промышленности, то в Каинске были только мас-лодельные, кожевенные, кирпичные, салотопные да свечные заводи.

Другое дело – Ейск. Который, во-первых, был известен как морской порт. А, во-вторых, как промышленный и куль-турный центр. За пятнадцать лет советской власти мелкие кустарные мастерские выросли в такие крупные предприя-тия как завод запчастей наркомсовхозов, рыбзавод нарком-снабжения, завод «Молот» наркомтяжпрома, консервный за-вод наркомснабжения. В городе имелась собственная элек-тростанция, радиоузел и телефонная станция. Сельскохо-зяйственный и педагогический техникум, детская техниче-ская станция и школа медсестёр Общества Красного кре-ста. Выходили газеты «Ейская правда» и «Трибуна». Рабо-тал драмтеатр, два кинотеатра и деревянный летний театр в парке культуры имени товарища Калинина.

Высшая школа морских лётчиков и летнабов ВВС РККА имени товарища Сталина была передислоцирована в Ейск из главной базы флота два года назад.

В связи с развитием ВВС Морских сил Чёрного моря и формированием новых частей и соединений в сева­стопольских бухтах стало совсем тесно. Поэтому в конце тридцатого года было принято решение о переба­зирова­нии школы, и на берегу Ейского лимана началась большая стройка. Были возведены корпуса военного городка, забетонированы манёвренные площадки и спуски гидроаэродрома, построены тех­мастерские, склады и ангары, здания учебных классов и штаба школы, вышка центрального пункта управления полётами, жилые дома для семей ком­начсостава, казармы, стадион и Дом Красной Армии и Флота.

В Севастополе школьный авиапарк составлял всего сорок машин. На новом месте их количество возросло до нескольких сотен! Среди них были гидросамолёты МУ-1 и МР-1, новейшие бомбардировщики ТБ-1П, истребители И-5, разведчики Р-5 и учебные самолёты У-2, летающие лодки Ш-2, Дорнье «Валь» и Савойя-Марчетти С-62 бис. Которые сидели на гидроаэродроме Ейская Коса и полевых аэродромах Центральный, Кухаривка, Симоновка, Александровка, Новоминская, Новощербиновская и Старощербиновская.

В Ейске школа морских лётчиков была размещена, прежде всего, потому, что к этому располагали метеорологические и гидрологические условия, позволявшие летать

круглый год. Ейский лиман площадью семьдесят квадратных миль является частью Таганрогского залива, имеет глубину до четырёх метров и отделён от моря широкой косой, на которой расположился город. Рейд открыт для ветров, но волнение не опасно, так как разбивается на песчаных отмелях. Зимой температура не опускается ниже -4°C , а в летом не поднимается выше $+25^{\circ}\text{C}$. Снежный покров появляется только под Новый год и держится не более двух недель.

Одним словом, просто курорт!

Впрочем, любой, кто хоть немного наслышан о распорядке дня военной авиашколы, курортом курсантскую жизнь не назовёт.

Недаром уже в самом первом Уставе внутренней службы РККА, вслед за первой статьёй, где говорится об обязанности каждого гражданина СССР, принявшего на себя высокое звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, не щадить своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами, идёт вторая статья. О том, что военнослужащий обязан стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы.

А тягостей и лишений было более чем достаточно. Подъём в шесть утра, кросс и зарядка в любую погоду, занятия строго по расписанию, вечером – самоподготовка, в двадцать три часа – отбой.

Это, само собой, для тех, кто не в карауле. И не в суточном наряде. В соответствии с листом нарядов. Или взысканием.

Объявленным комзвена. Или комотряда. Или комэска. Или командиром бригады. Или самим начальником школы. Но это уже высший пилотаж!

Личного времени едва хватало, чтобы погладить форму, почитать письмо из дому да написать пару строк в ответ. И лишь в выходной можно было «сойти на берег». В смысле, получить краткосрочный отпуск из расположения.

Но лишь в качестве поощрения. За успехи в боевой, политической и технической подготовке. Курсанты, имеющие задолженности или неуды по какой-либо из учебных дисциплин, оставались «без берега».

А дисциплин этих было очень много. Мягко говоря.

Будущие морские лётчики изучали материальную часть самолёта, мотор и авиационные приборы, фотографическое и радиооборудование. Учили аэродинамику и аэронавигацию, воздушную астрономию и метеорологию, самолётовождение, теорию и практику слепого полёта, морские карты, военную топографию и аэрофотографию, сигнальное дело и радиосвязь, основы бомбометания и теорию воздушной стрельбы, тактику авиации и флота. зубрили наизусть общие уставы и Корабельный устав Военно-Морских Сил РККА, Наставление по производству полётов, Курс учебно-лётной подготовки школ Военно-Воздушных Сил РККА, Боевой устав ВВС РККА и Наставление по боевому применению морской авиации.

Кроме того, значительная часть времени выделялась на

физическую подготовку, силовые и гимнастические упражнения и тренировку вестибулярного аппарата. И на строевую выучку, само собой. Ну, куда же без неё, родимой! Во флоте-то!

С морем в ВШМЛ имени Сталина было связано всё.

Оморачивание новичков началось уже с переодевания. По случаю летнего времени им выдали форму № 2 и 3 (фуражка-безкозырка с белым чехлом и красной звездой, рубаха форменная, рубаха фланелевая, рубаха нательная, брюки су-конные, поясной ремень с бляхой, ботинки) и рабочую.

Слово «компас» отныне должно было произноситься с ударением на последний слог. Так же как и «рапорт». Казарма стала кубриком, пол – палубой, а лестница – трапом. В обиход вошли такие морские словечки и выражения, как баталёр (кладовщик), вира (поднимай), гальюн (отхожее место), «гюйс» (форменный пристежной воротник), задрать (закрыть), камбуз (кухня), каюта (комната), линь (верёвка), майна (опускай), переборка (перегородка), подволок (потолок), пришвартоваться (пристать), репетовать (повторять), рундук (шкаф с ящиками), салага (неопытный моряк), «стать на яшку» (бросить якорь), траверз (направление, перпендикулярное курсу), «травить баланду» (болтать), фарватер (безопасный путь).

А на вечерней прогулке курсанты пели морские песни, типа: «Джим, подшкипер с английской шхуны, плавал двенадцать лет, знал проливы, моря, лагуны, Старый и Новый

Свет». Только о Стране Советов ему было неизвестно. Когда Джим узнал, что «есть Россия, свободная страна, всем защитой служит она», то стал борцом за народное дело и героически погиб...

Когда будущие военморлёты и летнабы прошли одиночное обучение, усвоили уставы и приняли присягу, их отправили на корабли. Для прохождения морской практики. Дабы прониклись. Как следует! И пропитались. Солёной водичкой.

Сергей попал на эскадренный миноносец «Незаможник» (водоизмещение – тысяча триста пятьдесят тонн; скорость – двадцать семь с половиной узлов; дальность плавания – тысяча двести миль; вооружение – четыре 102-мм и два 76-мм орудия и четыре трёхтрубных торпедных аппарата). За время похода постоял и баковым, и ютовым, и шкафтовым. Выдержал пятибалльный шторм в открытом море. И изучил все вахты: от трюмного машиниста до сигнальщика и рулевого.

Срок обучения в школе морских лётчиков и летнабов составлял два с половиной года. Но пилотское свидетельство и нагрудный знак «Парашютист-инструктор» с подвеской за пятнадцать прыжков сделали своё дело. Осенью, после проверки техники пилотирования на У-1 и сдачи зачёта по материальной части Сергей был зачислен сразу на второй курс. Как и другие ребята, имевшие лётную подготовку.

Навёрстывать, ясное дело, пришлось много. Программа у

спецнабора была сжатой, но плотной.

Однако учиться Сергею было не привыкать стать. Также как и его товарищам. Тоже прошедшим суровую жизненную школу. Несмотря на свою молодость.

Они и наверстали. И уже в октябре приступили к полётам на Ш-2 – летающей лодке новейшей конструкции.

Хотя, когда Сергей увидел этот маленький двухместный самолётик, был разочарован. Он-то думал, что будет летать на гигантской серебристой птице, которую видел из вагона поезда в день приезда. А не на этой остроносой пигалице.

– Не переживайте, товарищи курсанты! – словно угадав мысли своих подопечных, сказал лётчик-инструктор их группы Николай Челноков. – «Шаврушка» используется в народном хозяйстве как почтово-пассажирский и санитарный самолёт, а также на Севере для ледовой разведки. В Военно-Воздушных Силах он применяется только для первоначального обучения морских лётчиков.

Между тем, это был удивительный самолёт!

Благодаря убирающемуся шасси Ш-2, в отличие от всех остальных гидропланов, мог взлетать с грунта и садиться на воду. И наоборот. Для взлёта с земли ему требовался разбег длиной всего сто шестьдесят метров, а для посадки – сто сорок. По сути дела, ему вообще, были не нужны аэродромы! Для этой цели годилась любая ровная площадка размером чуть больше футбольного поля.

Но это было ещё не всё! Плоскости верхнего крыла Ш-2

могли поворачиваться в сторону хвоста вокруг болта крепления заднего подкоса. И складываться! А нижние крылья с поплавками остойчивости были отъёмными.

Такая компактность (ширина в разобранном виде – три метра шестьдесят сантиметров; длина – восемь двадцать; высота – два с половиной метра) и малый вес (шестьсот двадцать килограмм) позволяли хранить самолёт на палубе даже небольшого судна. Такого, например, как ледокольный пароход «Челюскин». Который месяц назад вышел из Мурманска во Владивосток, чтобы за одну летнюю навигацию пройти Северный морской путь.

Лётные данные амфибии были невелики (крейсерская скорость – восемьдесят километров в час; дальность – пятьсот километров; практический потолок – четыре тысячи метров). Но этого было вполне достаточно для выполнения поставленных задач – ледовой разведки, почтово-пассажирских и санитарных перевозок. И для первоначального обучения.

Которое было недолгим. Потому что Ш-2 был прост в управлении. И неприхотлив в обслуживании.

Следующим самолётом, который освоил Сергей, стал ближний морской разведчик Савойя-Марчетти С-62 бис.

Это была трёхместная летающая лодка классической бипланной схемы с двигателем, размещённым между верхним и нижним крылом, и толкающим винтом. Перед пилотской кабиной (в отсеке лётчика-наблюдателя) и за мотором (в от-

секе радиотелеграфиста-пулемётчика) были установлены турели Тур-6 с пулемётной спаркой ДА-2, а под крыльями – четыре держателя Дер-7 для 100-килограммовых фугасных бомб.

Благодаря тому, что на лицензионные «Савойи» ставили импортный итальянский авиадвигатель «Ассо» фирмы «Изотта-Фраскини» мощностью семьсот пятьдесят лошадей, тактико-технические характеристики С-62 бис были весьма приличными (максимальная скорость – двести двадцать пять километров в час; дальность полёта – девятьсот километров; практический потолок – четыре тысячи шестьсот метров). Кстати, прозвище «гитара» эта лодка получила как раз из-за мотора, который звенел в полёте каким-то особым образом.

Однако эйфория от пересадки на боевой самолёт быстро прошла. Лётчики этот гидроплан не любили. Днище «Савойи» было плоским, даже с некоторой вогнутостью вовнутрь. Из-за чего при посадке и во время взлёта, особенно на большой волне и при накате в море после шторма, лодка «барсила». То бишь, выпрыгивала из воды. А потом падала обратно. Что было чревато. И нередко приводило к авариям.

Подъёмной силы, чтобы удержаться в воздухе, не хватало. При посадке – уже, а на взлёте – ещё. И самолёт скакал по воде. Как плоская галька, запущенная вдаль мальчишеской рукой.

Имелись и другие недостатки. При неполной заправке топливом (только в задние баки) машину сильно раскачивало в продольной плоскости. Кроме того, «Савойя» плохо выходила из штопора. Именно во время выполнения этой фигуры погиб известный морской лётчик кавалер ордена Красного Знамени Митрофан Коровкин. Один из самолётов 106-й морской тяжёлой бомбардировочной авиабригады Морских сил Чёрного моря был назван его именем. В память о Герое. И как напоминание остальным лётчикам. О коварном характере иностранки.

С которым Сергей тоже вскоре близко познакомился.

После нескольких вывозных с инструктором ему предстояло выполнить первый самостоятельный вылет на «гитаре».

Когда Челноков вылез из машины, приказав сделать ещё одну коробочку над лиманом, Сергею стало как-то неуютно. Кроме него в самолёте никого не было. И он очень остро ощутил своё одиночество.

Но быстро справился с собой. Бодро вырулил на старт. Прибавил оборотов двигателю. И поднялся в небо.

Едва Сергей набрал высоту, как волнение, охватившее его у спуска, улетучилось. Сменившись весёлым восторгом.

В безоблачных небесах сияло Солнце. Искрилось море. Звенел мотор. Далеко внизу, на широкой косе, раскинулся Ейск. Летающая лодка отлично слушалась руля. И он, не опасаясь, что его услышат, орал во весь голос:

– Джим, подшкипер с английской шхуны, плавал двена-

дцать лет, знал проливы, моря, лагуны, Старый и Новый Свет!

И в этот момент. Во время очередного разворота. «Савойя» показала себя. Во всей своей красе.

Перед началом полётов её полностью заправили. Но к концу дня передние баки опустели. И центровка нарушилась. На вираже «гитара» потеряла продольную остойчивость. И тут же задрала нос. А потом клюнула. И снова задрала. И опять клюнула.

Если бы в задней кабине находился радиотелеграфист-пулемётчик, он мог бы компенсировать смещение центра тяжести. Быстро перебравшись в носовую часть летающей лодки. Но в задней кабине лежал мешок с песком.

После нового клевка, когда скорость упала до критической, произошёл срыв потока. «Савойя» завалилась на бок. И вошла в штопор.

Сергей, который не раз выполнял эту фигуру на У-1, автоматически толкнул штурвал от себя. И дал правую педаль вперёд, повернув руль направления в противоположную вращению сторону.

Однако ничего не произошло. Приподняв хвост, гидроплан продолжал медленно вращаться. И это вращение не походило на обычный штопор. Свойственный колёсным летательным аппаратам. Довольно быстрое вращающимся вокруг своей оси с сильно опущенным к земле носом. Это было чем-то средним между обычным и так называемым «плос-

ким» штопором, из которого не всегда выходят даже сухопутные машины.

Секунды шли. Лиман кружился под «Савойей». Вместе с косой. И городом Ейском. А «гитара» выходить из штопора, как это давно уже сделал бы У-1, даже не собиралась. Сергей изо всех сил давил на педаль. И на штурвал. Но это не помогало. Стрелка альтиметра не останавливалась. Тысяча четырехста метров. Тысяча триста. Тысяча двести. Тысяча сто...

И тут Сергей запаниковал.

Он никогда и никому об этом не рассказывал. И никогда и никому не расскажет! Но из песни слов не выкинешь. Было!

Море неумолимо приближалось. Собираясь поглотить его. Вместе с взбеленившейся машиной. А перед этим переломать кости. Порвать сухожилия. И мышцы. Раздавить сердце. И все внутренние органы. Собираясь убить его. Навсегда!

Кровь бухала в висках. Заглушая все остальные звуки. Даже мотор. Поле зрения сузилось до размеров циферблата высотомера. А на альтиметре была уже тысяча метров. Девятьсот. Восемьсот. Семьсот...

Сергей лихорадочно искал выход. И вдруг вспомнил! Что надо убрать газ. Он забыл убрать газ! Рычаг сектора газа был в крайнем переднем положении. На полном. А надо было убрать газ! Чтобы остановить вращение.

И он рванул рукоятку на себя.

Это его и спасло. Взревел двигатель. На полных оборотах.

Рули заработали более эффективно. «Савойя» словно нехотя опустила нос. Перестала кружиться. И перешла в пикирование. Быстро разгоняясь на снижении.

А дело было в том, что на этой иностранке было обратное, то бишь, «французское» расположение сектора газа. И для увеличения оборотов рычаг надо было не толкать, а тянуть.

Когда Сергей запаниковал, это просто вылетело у него из головы. Сработал рефлекс и, желая убрать газ, он его, на самом деле, прибавил. Что, кстати, и требуется для вывода гидросамолётов из штопора. В отличие от их сухопутных собратьев. Для вывода которых, обороты надо уменьшать.

Набрав скорость, Сергей взял штурвал на себя. И вышел из пике. Над самой водой. А потом аккуратненько приводнился. Подрулил к спуску. Выключил двигатель. Повернул голову. И присвистнул: «Мать твою! Растак её, и так, и эдак!».

Как только самолёт остановился, края бипланной коробки опустились, и консоли нижних плоскостей почти коснулись поверхности воды. А подкрыльевые поплавки притопились.

При выходе из штопора и пикирования стальные расчалки растянулись от перегрузок. И стали длиннее. Во время полёта в набегающем потоке крыльевая коробка держалась нормально. А когда воздушное давление прекратилось, концы крыльев опустились вниз...

На следующий день на утреннем разводе начальник и военком школы Бажанов вызвал Сергея из строя и объявил:

– За предотвращение тяжёлого лётного происшествия и проявленное геройство курсанту Шамшурину объявляется благодарность с вручением наградного жетона!

Бажанов повернулся к своему заму, начальнику отдела лётной подготовки Мырсову, взял у него серебряный жетон с цепочкой и протянул Сергею:

– Поздравляю с наградой!

Жетон в виде геральдического щита с двумя самолётами по углам и красной эмалевой звёздочкой наверху был размером с рублёвую монету. Понизу шла выпуклая штампованная надпись «В.Ш.Морлетчиков им. Сталина», а над ней – гравировка «За геройство». На реверсе было выгравировано: «Курсанту Шамшурину С.И. от Командования школы 1934».

– Служу трудовому народу! – с трудом придя в себя от неожиданности, ответил Сергей. Он-то думал, что сейчас получит очередное взыскание. За небрежное пилотирование. И повреждённый самолёт. А его взяли и наградили!

– Встать в строй! – приложил ладонь к козырьку фуражки начвоенкомшколы.

– Есть! – вытянулся по стойке «смирно» Сергей и вернулся к своим товарищам.

В очередном номере многотиражки «Лётчик-Сталинец» было напечатано его фото и заметка «Геройский поступок».

Расписав случившееся в самых ярких красках, автор заметки призвал всех курсантов бороться за безаварийность

по-шамшурински и равняться на Героя в учёбе.

Сам Герой, однако, на свой счёт нисколько не заблуждался. Хотя и прицепил цепочку с жетоном к воротнику форменки. Так, чтобы он висел рядом со знаками «Ворошиловский стрелок», «Парашотист-инструктор» и осоавиахимовским ромбом «За активную оборонную работу».

Жетон этот был дорог ему не меньше, чем крылышки красноенлёта на левом рукаве, носить которые имели право лишь курсанты, освоившие боевой самолёт. Но Сергей отлично понимал, что на самом деле ему просто повезло. Во-первых, он запросто мог убится. Как Митрофан Коровкин. А, во-вторых, запросто мог получить пять суток ареста. Вместо награды.

Но тогда Сутьба к нему ещё благоволила.

Не то, что сейчас! А, ведь, прошло всего пять лет. Когда же это случилось? Когда от него отвернулась удача?

Не в тот ли яркий весенний выходной, когда он, находясь в увольнении и прогуливаясь с друзьями – Николаем Шутовым и Филиппом Усачёвым – в Парке культуры и отдыха имени товарища Калинина, заглянул на танцы?

На танцплощадке толкалось немало парней с ленточкой «ВОЕН. ШКОЛА МОРСКИХ ЛЕТЧИКОВ» на безкозырьках. Но не заметить этих троих было просто нельзя!

Дело в том, что все будущие красные военморлётаны были физически хорошо развиты. Имели мощные бицепсы, трицепсы и квадрицепсы. Все были комсомольцами. Имели обо-

ронные и спортивные значки. И даже знак «Парашютист». Да, только большинству из них не было и двадцати лет.

Эти салажата изо всех сил старались выглядеть выдавшими виды моряками. Носили неуставной клёш. Стрелки на рукавах. И безкозырки-итальянки. В смысле, блином. Чтобы звёздочка смотрела под ноги. А ещё, само собой, ясное дело, а как же иначе! Выцветшие «гюйсы» и не больше четырёх полосок в вырезе форменной рубахи. Как оно и положено. Настоящим мореманам. Выдавшим виды. И прочие ураганы. Хотя никаких ураганов вышеупомянутые «альбатросы морей» и в глаза не видывали. А просто стирали свои воротники в хлорке.

С восхищением на этих хорохористых мальчишек смотрели только школьницы. А девушки постарше в ответ на неуклюжие попытки пришвартоваться лишь снисходительно улыбались.

Сергею и его друзьям застирывать «гюйсы» было незачем. И без того было ясно. Что не дети. Прекрасная половина человечества такие вещи просекает с первого взгляда.

Все трое были с девятьсот восьмого года. Все имели по три узких старшинских галуна на рукавах. И нашивку красвоенлёта. Не носили комсомольских значков. Поскольку были членами Партии. И резко выделялись на общем фоне. Уставными безкозырками, рубахами и брюками. Считая это особым шиком. Которого салагам не понять. Потому что салаги.

Почему Тамара пригласила на танец его, а не Филиппа или Николая, и ему было понятно! Геройский жетон имелся только у Сергея. Вот, он и вляпался. По самое «не хочу».

А, ведь, у него был выбор! Девушки заглядывались на Сергея не только из-за значков. Среднего роста, крепкий широкоплечий шатен успел смутить не одно девичье сердечко. Ясным взглядом карих глаз и твёрдыми правильными чертами лица. Каких ещё немало осталось на Руси. Добродушных и улыбчивых в обычной жизни. Грозных в минуту гнева. И беспощадных к врагу в мгновения боевой ярости.

Мог бы орлом летать. Рядом с орлицей. А он! Попал. Как кур в ошип...

На самом деле всё было просто. Даже банально. С женой Сергей простился на перроне. Год назад. И с тех пор обнимался только с подушкой. А тут в его руках оказалась такая роскошная женщина! Стройная полногрудая блондинка. С серыми глазами. Которые глянули на него так, что у него сразу же пересохло во рту. И всё внутри вспыхнуло. Когда она обняла его за шею. И прижалась грудью. И животом. Потому что танго!

Ничего удивительного, что Сергей проводил её до дома. И зашёл на минутку. Чайку попить. Да и заночевал.

Тамаре давно уже перевалило за двадцать пять. Когда-то она была замужем. Пока не развелась. Потом ещё раз сходила замуж. И снова неудачно. Поэтому жила одна. Абсолютно свободная и независимая. И больше в ЗАГС не собиралась.

Ни за что! А пока училась в школе медсестёр. И подработывала санитаркой в городской больнице. Девятилетнюю дочь она отвезла в станицу. К сестре. Потому что присматривать за дочкой было некому. И вообще! В городе – пыль и духота. А на хуторе – свежий воздух. Речка. Сад. Корова. Яйца.

И маме надо как-то личную жизнь устраивать!

В тот вечер Николай и Филипп вернулись в расположение одни. Искусно отвлекли внимание дежурного. И сдали личный знак Сергея вместе со своими бляхами. Прикрыв отсутствие друга. Который появился в кубрике лишь под утро. Полностью ошалевший.

С этой ночи все увольнительные он проводил в гостях у Тамары. И самоволки тоже.

Ловушка захлопнулась...

Глава 3

...Так уж устроены люди.

Мужчина готов пойти на многое, лишь бы произвести на женщину впечатление. Чтобы добиться её любви. И совершает всяческие подвиги по этой причине. И добивается своего.

Во всяком случае, сам так считает. Пока не убедится, что обманулся. Ибо, получив женщину, часто так и не получает любви. И только тогда понимает, что любви нельзя добиться. Ведь, это – дар! И понимает, что если женщина не полюбила сразу и безусловно, то уже никогда не полюбит. И никакие подвиги тут не помогут. И деньги тоже. И даже приворот. Только хуже будет.

Как в поэме писателя А.С. Пушкина. Про красавицу Наи-ну. И финна. Который стал вещим. Когда, наконец, понял. Кто кому что. И впредь зарёкся. По граблям ходить.

Сергей эту поэму читал. Но, как и другие читатели, смысл её не уловил. Точнее, уловил. Но потом.

А сначала была эйфория. От крылышек на рукаве. И блеска восхищения в женских глазах...

Летом тридцать четвёртого года в Ейск приехал самый знаменитый выпускник Высшей школы морских лётчиков и летнабов ВВС РККА имени товарища Сталина первый Герой Советского Союза Анатолий Ляпидевский.

Ляпидевский был коренным кубанцем. Родился в станице Белоглинской, жил в Старощербиновской, а затем в Ейске. Здесь окончил девять классов. Работал помощником шофёра. Вступил в комсомол. Отсюда уехал поступать в лётную школу. После окончания которой стал лётчиком-инструктором. И перебазировался обратно вместе с ВШМЛ. Отсюда отправился покорять Север. Прошлой весной. Когда его направили на работу в авиаслужбу государственного акционерного общества «Комсеверпуть». А этой весной прославился на весь Союз. И стал Героем. В двадцать шесть лет!

Это он совершил десятки многочасовых полётов на поиски челюскинцев. Полярной ночью. В жестокий мороз. В пургу и метель. И всё же сумел отыскать ледовый лагерь! И посадить огромную двухмоторную машину на малюсеньком пятачке, окружённом зубьями трёхметровых ропаков. И вывез на Большую землю женщин и детей.

И это был настоящий подвиг!

С морем не шутят. Особенно с океаном. Да, ещё и Ледовитым. В смысле, Северным.

Тринадцатого февраля ледокольный пароход «Челюскин» (водоизмещение – семь с половиной тысяч тонн; скорость – двенадцать с половиной узлов; пассажироместимость – шестьдесят человек; экипаж – пятьдесят два), дрейфовавший в Чукотском море с сентября месяца, был раздавлен льдами. И затонул в восьмидесяти милях от берега. Один член экипажа погиб, а сто четыре человека, в том числе де-

сять женщин и два ребёнка, высадились на лёд.

На Чукотке сразу же была создана Чрезвычайная тройка, а в Москве – Правительственная комиссия по оказанию помощи участникам экспедиции товарища Шмидта и команде погибшего судна «Челюскин», которую возглавил Член Политбюро ЦК ВКП (б) Зампредсовнаркома СССР Валериан Куйбышев.

В район катастрофы было направлено двадцать самолётов.

Но после всевозможных приключений и бесчисленных аварий добраться до потерпевших кораблекрушение смогли только шесть (АНТ-4, три Р-5, ПС-4 и «Флейстер»). За несколько рейсов вывезших в Ванкарем сто два человека. Ещё двое долетели на Ш-2, имевшемся на борту «Челюскина».

Такого триумфа ещё не знала история авиации!

Два месяца весь Советский Союз с трепетом следил за ходом спасательной операции. Радовался успехам. Переживал из-за провалов. А потом чествовал Героев Арктики.

Специальный экспресс, украшенный красными флагами и транспарантами, за две недели пересёк страну от Владивостока до Москвы. И на каждой станции полыхали кумачом знамёна. Играли оркестры. Сияла иллюминация. Взлетали фейерверки. А в небесах скрещивались ослепительные лучи прожекторов. Люди с охапками цветов стояли вдоль путей на протяжении километров!

Во время остановок на перроне выстраивался почётный караул и отряды пионеров в белых блузах и алых галстуках. Звучали приветствия и поздравительные речи. Выступали спасённые и спасители. А также видные партийные, советские и хозяйственные работники, ударники производства, рабочие и колхозницы.

Но самая грандиозная встреча была организована в Москве. Все улицы были усыпаны цветами и листовками. По Красной площади, приветствуя членов Политбюро, Героев Советского Союза и челюскинцев, парадным маршем прошли лётчики, пограничники, кавалеристы и физкультурники. В небе прогудели эскадрильи самолётов. И прогрехотал салют наций из двадцати одного пушечного залпа.

Безпрерывно гремело «Ура!». Звучали здравицы в честь товарища Сталина и других виновников торжества. С флагами, цветами и портретами членов Политбюро ЦК ВКП (б) и Героев по площади прошли колонны москвичей. Над бесконечным людским потоком высились макеты парохода «Челюскин» и ледового лагеря с палатками, разломившимся надвое бараком и кружащим над ним самолётом Р-5.

Вечером в Кремле состоялся торжественный приём в честь Героев с участием товарища Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Куйбышева и других товарищей, а на Красной площади – народное гулянье...

Некоторая часть этой безкрайней лавины славы и поче-

стей, в одночасье свалившейся на головы представителей лётной профессии, досталась и курсантам школы морских лётчиков и летнабов.

Ейские красавицы уже несколько попривыкшие к изобилию молодых военморлётов в городе, смотрели на них теперь другими глазами. Очень большими. И восхищёнными.

И это было вполне закономерно. Поскольку четверо из семи лётчиков, участвовавших в спасении челюскинцев и ставших Героями Советского Союза, были выпускниками ВШМЛ имени Сталина.

Выступая на митинге в родной авиашколе, Анатолий Ляпидевский сказал:

– Родина! Этим всё сказано. Отдать жизнь и силы своей Родине! Служить ей верой и правдой! Когда я, как всякий парень, мечтал о том, что буду великим лётчиком, знаменитым волейболистом, замечательным изобретателем, я никогда не отделял себя от моей страны. Я мечтал прославить свою страну! Быть великим советским лётчиком! Стать удивительным советским человеком!

Невысокий крепыш с лохматым чубом и орденом Ленина на отвороте пиджака стоял на трибуне. И рассказывал о тяжёлом и опасном труде полярников. О свирепых ветрах, жутком холоде и безконечной тьме полярной ночи. О безкрайней снежной пустыне, огромных ледяных торосах и острых ропаках.

Сергей слушал его. И думал. Везёт же людям! Они, ведь,

одногодки с этим парнем. Но как много он уже сделал!

– Давайте же с удвоенной энергией, с ещё большим энтузиазмом под водительством товарища Сталина, вместе со всем пролетариатом будем строить безклассовое общество! А если понадобится, если на нашу Родину посмеет напасть враг, бодро, уверенно и твёрдо, все, как один, пойдём на защиту Октябрьских завоеваний! – закончил речь Ляпидевский.

Актальный зал взорвался аплодисментами. Перешедшими в непрерывные овации. Все встали. Отовсюду неслись возгласы: «Ура Героям СССР! Ура товарищу Сталину! Ура товарищу Ворошилову! Ура товарищу Алкснису!».

Тем же вечером Ляпидевский выступил на торжественном собрании партхозактива в городском драмтеатре. После чего престиж школы морских лётчиков и летнабов, и без того высокий, поднялся на совершенно небывалую высоту.

Что и сыграло роковую роль в жизни Сергея. А может, и не только в его...

Сначала всё было просто замечательно! Они встречались с Тамарой, как только ему удавалось «сойти на берег». То есть, почти каждый выходной. Так как Сергей был отличником учёбы и всё такое.

Получив увольнение, он тотчас спешил к Тамаре. Никуда не заворачивая. И сразу же набрасывался на неё. Благо, она жила одна. И никто не мешал.

Ожидая Сергея, Тамара накрывала стол. Ставила бутылку

крепкого красного. И что-нибудь закусить.

Отведя душу после недельной разлуки и утолив желание, они садились за стол и утоляли жажду. Под звуки патефона. И снова падали на широкую панцирную кровать. А потом опять слушали патефон и пили.

Когда вино в одной бутылке кончалось, Тамара доставала вторую. И веселье продолжалось. До тех пор, пока Сергей не спохватывался, что пора возвращаться.

Впрочем, довольно часто ей удавалось уговорить его прогуляться. И потанцевать где-нибудь.

В смысле, в ресторане. На танцплощадке она бывала редко и неохотно. Только в виде исключения. Предпочитая проводить время в более культурной обстановке. Чтобы можно было посидеть в промежутке между танцами. За столиком. С бокалом «Массандры». А не толкаться в толпе молодняка.

Сергей к этому времени успел не на шутку влюбиться. Во-первых, потому что не мог встречаться с женщиной без любви. Во-вторых, потому что Тамара очень многое умела. И ничего в постели не стеснялась. А, в-третьих, он и сам не знал почему. Но тянуло его к ней так, что он просто терял голову.

И больше ни о чём не мог и думать.

В строю, и на занятиях. В самолёте и в кубрике. И днём, и ночью. Мечтал о встрече. Изнемогая от желания. И бежал к ней. Словно привороженный. Позабыв обо всём. Иногда и сам не понимая, любит он её. Или ненавидит!

С первой женой у него было совсем не так. А как-то обы-

денно.

Познакомились на первомайской демонстрации. Потом на танцах встретились. В железнодорожном клубе. Походили с полгода под ручку. Да, и сошлись. А потом расписались. Потому что он у Катерины оказался первым. И, как честный человек, был обязан жениться.

Вскоре она забеременела. И перестала подпускать Сергея к себе. Потому что нельзя! А когда стало можно, всё равно не очень-то подпускала. А лишь под настроение. Или в качестве поощрения. Когда он премию приносил. Или по хозяйству что-нибудь нужное делал.

Так они и жили. Но редко. Сергей сначала возмущался, требуя исполнения супружеских обязанностей. Хотя бы раз в неделю! А потом смирился. Да, и времени на эти глупости почти не было. Полёты, учёба в институте и подработки отнимали все силы. Поэтому, добравшись до койки, он тут же засыпал.

С Тamarой было иначе. С ней было по-настоящему!

Но за него она не цеплялась. Да, встречалась. И позволяла себя ласкать.

Однако частенько давала повод для ревности. Могла пойти потанцевать с кем-нибудь. Если Сергей вдруг отлучился. А её пригласили. Могла и сама пригласить кого-нибудь. На танго. И прижаться слишком близко к кавалеру.

Сергей видел такое однажды. И едва сдержался. Чтобы не набить никому лицо. Только рюмка в кулаке хрустнула.

Вдребезги раздавленная. Да, кровь по пальцам потекла.

Мало того! Как-то раз, придя в ресторан с Сергеем, Тамара едва не ушла с другим мужчиной. И ушла бы, наверное. Если бы Сергей не подошёл сзади и не спросил ласково, далеко ли она собралась.

Оглядываясь назад, он не мог не признать. Что совершил ошибку. Что не надо было тогда ничего спрашивать. Что надо было тогда попрощаться. Кое с кем.

А он не смог. Потому что не мог. Что-то подсказывало ему, что Тамара не любит его. Но он никак не мог в это поверить! Потому что не знал ещё тогда, что любовь – это дар. Потому что думал, что любви можно добиться. Если стать Героем. Или комбригом. А лучше – командармом!

Так или иначе, вздохнул Сергей, но свой шанс он в тот раз упустил. А потом стало уже поздно.

Приехал Ляпидевский. И престиж военморлётов взлетел до небес. Открывая дорогу. В светлое будущее. Для будущей жены будущего Героя. Портреты в газетах. Огромная квартира с видом на Кремль. Домработница. И отоварка в закрытом распределителе. Своя портниха, парикмахерша и маникюрша. Отдых в санатории. И самые дорогие напитки в самых дорогих московских ресторанах!

Имелись, конечно, кое-какие помехи. На этом светлом пути. Но всё было поправимо.

Тамара незаметно подвела Сергея к мысли о разводе. С первой женой. Поскольку та никогда его не любила. В отли-

чие от неё. Которая полюбила. По-настоящему! И будет любить всегда. И в беде, и в радости. И так далее.

А он взял и поверил...

Госэкзамены у спецнабора принимал сам начальник ВВС РККА Алкснис. Герой Гражданской. Трижды орденосец!

Большевик с дореволюционным стажем Якабс Алкснис (он же Яков Астров) в семнадцатом по заданию партии окончил школу прапорщиков. В целях разложения царской армии. В Гражданскую комиссарил. Особо отличившись при подавлении казачьего мятежа на Дону. После войны окончил Военную академию РККА. Руководил Управлением устройства и службы войск. В двадцать восемь лет был назначен замначальника Военно-Воздушных Сил. В тридцать два окончил 1-ю военную школу лётчиков имени товарища Мясникова. И с этого момента самостоятельно летал в воинские части с проверками. И возглавлял госкомиссию в лётных школах, лично экзаменуя будущих пилотов. И в воздухе, и на земле.

Дав Сергею возможность ответить только на один вопрос, начальник ВВС неожиданно отложил билет в сторону. И стал гонять его по всему курсу. И гонял так больше получаса. Но Сергей держался стойко. До самого конца.

– И последний вопрос, – удовлетворённо откинувшись на стуле, сказал Алкснис. – Где вы хотите служить, товарищ Шамшури́н? Школе вы принесли бы большую пользу. Как ваше мнение?

– Я хотел бы сначала в войска, товарищ начальник Военно-Воздушных Сил.

– Быть по-вашему! – кивнул Алкснис. – Послужите в строю. А потом в школу.

В конце декабря, под самый Новый год, Сергею присвоили звание «военный лётчик». И сразу дали пятую категорию (одна средняя и одна узкая нашивки)! Не иначе как по указанию Алксниса. Потому что обычно выпускникам давали третью категорию. В лучшем случае – четвёртую.

Филипп Усачёв, например, за успехи в бэпэ и тэпэ получил четвёртую категорию, что у сухопутных приравнивается к помкомроты. И распределился на Балтику.

А Коле Шутову не повезло. На экзаменах волновался. Отвечал слабо. При проверке пилотирования скакал по волнам. Как горный барс! И в итоге угодил в кавалерию. Старшинной-пилотом в корпусной авиаотряд 4-го кавкорпуса имени товарища Будённого. Хорошо хоть петлицы синие остались. Но с треугольниками. Хотя и с четырьмя. В смысле, вторая категория. То бишь, младший комсостав. А не средний. И звание не «военлёт», а «военный пилот».

Сергей же отправился в Севастополь. Получив назначение в 106-ю морскую тяжёлую бомбардировочную авиабригаду.

Ехал он налегке. В смысле, один. Оставив молодую жену в Ейске. Потому что на семейном совете было решено, что Тамара приедет потом. Когда Сергей устроится. Само собой,

так было разумнее. Хотя одному ехать не хотелось.

До Севастополя можно было добраться пароходом Соторгфлота, но Сергей ужасно соскучился по стуку колёс. И взял билет на поезд. И не пожалел. Хотя дорога получилась долгой. С ночёвками на вокзалах. И пересадками. Сначала через Ростов и Таганрог в Харьков. А уже оттуда до самого места. Через Мелитополь, Геничеськ и Симферополь.

Украина, сырая и слякотная, закончилась у Перекопа. Крым отличался от Днепропетровщины и на цвет, и на вкус, и на запах. Впрочем, за Симферополем однообразный, безводный и безснежный, степной пейзаж с каждым километром становился веселее. Пошли предгорья. А потом начались горы.

Сделав несколько крутых поворотов и пронырнув один за другим четыре туннеля, состав миновал Свято-Климентовский монастырь. Совершил оверштаг, повернув за мостом с юга на север. Притормозил у станции Инкерман. И выкатился на берег необъятного Севастопольского рейда. Один конец которого упирался в зажатую горами долину. Возле устья Чёрной речки. А другой терялся вдаль. В густой синеве Чёрного моря. За Константиновским равелином.

Пробежавшись вдоль бухты, поезд проскочил ещё два туннеля и замер у вокзала. А вокруг раскинулась главная база флота. Стройные вечнозелёные кипарисы. Каштаны и акации. Круглое белокаменное здание Панорамы на высоком кургане. У самого неба. Крутые спуски и улочки, сбегающие

к широким улицам и бульварам. Маленькие белые домики, прилепившиеся на склонах. И большие трёх-четырёхэтажные каменные здания с красными крышами. Чем ближе к берегу, тем выше.

Поезд здорово опоздал. Но это было к лучшему.

Занималось тихое зимнее утро. Сергей оставил чемодан на вокзале. Решив пройтись по городу. И осмотреться.

А потом поднялся к Панораме. И осмотрелся. Постоял у памятника Тотлебену. И прошёлся. До памятника Ленину. От площади Коммуны до Водной станции «Динамо». По длинной и широкой, прогнувшейся вдоль берега Южной бухты, главной улице Севастополя. Носившей, как и положено главной улице любого советского города, имя Вождя мирового пролетариата. По дороге любовался из ротонды крейсерами «Червона Украина» и «Профинтерн», ремонтирующимися у достроечных набережных Севастопольского ордена Трудового Красного Знамени морского завода. И снующими туда-сюда шаландами, катерами и баркасами. Поглазел на Военно-исторический музей, Дворец труда и Дом Красной Армии и Флота имени лейтенанта Шмидта. Спустился к воде у памятника затопленным кораблям. И погулял по бульвару военморов. Подивился на потрясающей красоты здания Картинной галереи и Института физметодов лечения имени профессора Сеченова. На Севастопольский драматический русский театр имени товарища Луначарского и Санаторий имени товарища Сталина. А затем зашёл на

телеграф. Чтобы чиркнуть пару строчек жене: «Доехал хорошо тчк Люблю зпт целую тчк Сергей».

Севастополь произвёл на него неизгладимое впечатление! Таких красивых городов ему пока ещё видеть не доводилось. И сравниться с ним не мог ни одноэтажный патриархальный Ейск. Который был гораздо меньше. И лежал на плоской косе. Ни многоэтажный индустриальный Новосибирск. «Сибирский Чикаго». Который сильно вырос за пятилетку. И теперь был в несколько раз больше Севастополя.

106-я авиабригада (управление бригады, 123-я и 124-я тяжёлые бомбардировочные эскадрильи, 9-я школа младших авиаспециалистов ВВС МСЧМ и 106-й авиапарк) находилась на Северной стороне в бухте Голландия.

Перебраться туда можно было на катере городского пароходства. Который ходил от Пристани III-го Интернационала с пяти утра и до полуночи...

По прибытии Сергей представился командиру и военкому бригады Жаворонкову, начпобригу Москаленко. А также всем остальным отцам-командирам. В порядке подчинённости. И был зачислен в 123-ю эскадрилью. В отряд Бартновского.

И это было очень удачно! Ему даже переучиваться не пришлось. Так как летать предстояло на «Савойе», с повадками которой Сергей был хорошо знаком.

А ещё через неделю произошло событие, коснувшееся всех черноморцев. Очень близко.

Морские силы Чёрного моря вновь стали флотом!

За сто пятьдесят с лишним лет своей героической истории Черноморский флот дважды полностью уничтожался. В прошлом веке – во время Крымской войны, в этом – во время Гражданской. А в результате русско-японской войны так ослаб, что был переименован в Морские силы...

После Цусимской катастрофы рейды опустели не только на Балтике и Тихом океане, но и на Чёрном море. К началу девятьсот восьмого здесь насчитывалось всего три броненосца, два бронепалубных крейсера, девять угольных эсминцев и восемь миноносцев.

Но прошло десять лет и, пополнившись новыми кораблями, Черноморский флот вновь обрёл силу. И стал действующим. Имея в строю семь линкоров (в том числе два дредноута), три крейсера, двадцать три эсминца (из них шестнадцать паротурбинных), два минзага, до семидесяти тральщиков, четырнадцать подводок и два гидроавиатранспорта.

Увы, всего через три года от этого великолепия ничего не осталось.

Часть кораблей (дредноут, два миноносца, семь нефтяных и два угольных эсминца) была потоплена собственными командами. По приказу товарища Ленина.

Сто двадцать шесть вымпелов (в том числе дредноут, эскадренный броненосец, два крейсера, шесть нефтяных и четыре угольных эсминца, четыре подводки и три канонерки) были уведены белыми в Тунис. И проданы на слом. А осталь-

ные суда и корабли, которые угнать не удалось, врангелевцы перед бегством привели в негодность.

И флот погиб. На радость англофранцузам. Как шестьдесят пять лет тому назад. В Крымскую войну. Но. Невзирая на империалистическое окружение, послевоенную разруху, голод и нищету. Вновь возродился. Словно Феникс из пепла. На страх врагам!

В двадцать втором году были восстановлены два первых эсминца и две подлодки. С которых началась история нового Черноморского флота – Рабоче-Крестьянского Красного. Хотя тогда он ещё и назывался Морскими силами. Опять. И лишь теперь, тринадцать лет спустя, вернул свой статус.

К этому времени в его состав входил линейный корабль, четыре лёгких крейсера, пять эсминцев, четыре канлодки, два сторожевика, два тральщика, пятнадцать подводных лодок и двадцать один торпедный катер.

Теперь, без сомнения, Черноморский флот являлся самым мощным в РККФ. Хотя на Балтике было на линкор больше. Зато не было ни одного крейсера. И только одна канонерка.

Однако в конце двадцатых положение было иным. МСБМ располагали тремя дредноутами и двумя крейсерами. А на Чёрном море самым крупным боевым кораблём являлся лёгкий крейсер «Червона Украина» (водоизмещение – восемь тысяч четыреста тонн; скорость – двадцать семь с половиной узлов; дальность плавания – две тысячи семьсот миль;

вооружение – пятнадцать 130-мм и восемь 75-мм орудий, два траверзных торпедных аппарата). «Коминтерн», второй черноморский крейсер, был очень изношен и устарел ещё до революции.

Лёгкий крейсер «Профинтерн» (брат-близнец «Украинки») был переведён в Севастополь в начале тридцатого года. Вместе с третьим балтийским дредноутом «Парижская коммуна» (водоизмещение – двадцать три тысячи тонн; скорость – двадцать три узла; дальность плавания – две тысячи семьсот миль; вооружение – двенадцать 305-мм, шестнадцать 120-мм и шесть 75-мм орудий; бронирование: борт – 225 мм, палуба – 37,5 мм, боевая рубка – 254 мм).

Официальной причиной похода практического отряда Морских сил Балтийского моря из Кронштадта в Неаполь и обратно было стремление дать экипажам практику дальнего плавания в сложных погодных условиях. Но когда отряд пришёл в Италию, выяснилось, что экипажи сильно устали и вернуться назад через штормовую Атлантику не могут, командир отряда Галлер отправил в Москву телеграмму с просьбой разрешить заход в Севастополь. Для отдыха. Но ответа так и не получил. Пока корабли не вышли в море. И не взяли курс на Гибралтар.

И только тогда пришло долгожданное разрешение. Отряд тут же развернулся. И самым полным. За трое суток проскочив Тирренское, Ионическое, Критское, Икарийское и Эгейское моря, на глазах опешившей Антанты вошёл в Дарданел-

лы.

А что? Имеет полное право! В соответствии с Лозаннской конвенцией проливы были разоружены и открыты для прохода военных кораблей, «каков бы ни был флаг», днём и ночью, даже без предупреждения местных властей. И, вообще, кому какое дело, куда отправилась отдыхать красная эскадра?

Так или иначе, преодолев за два месяца шесть тысяч триста миль, океан и одиннадцать морей, «Парижская коммуна» и «Профинтерн» прибыли в Севастополь.

Корабли встали на послепоходовой ремонт. А когда починились, было принято решение не возвращать отряд на Балтику, а включить его в состав МСЧМ.

И, действительно. Какой смысл гонять корабли туда-сюда! А практику плавания в сложных погодных условиях экипажи могут получить и на Чёрном море. Которое в зимнее время штормит не хуже, чем Бискайский залив.

По случайному совпадению два месяца спустя завершился капремонт турецкого линкора «Явуз Султан Селим» (бывший германский линейный крейсер «Гёбен»). Так что усиление Морских сил Чёрного моря пришлось весьма кстати.

С правительством Ататюрка у страны Советов были хорошие отношения ещё со времён войны Турции за независимость, когда Советская Россия поддержала армию Кемалю золотом, оружием и боеприпасами. А с двадцать пятого года действовал договор «О дружбе и нейтралитете».

Однако не зря в народе говорится: дружба дружбой, а табачок врозь. Рассчитывая вернуть контроль над проливами, Турция в последние годы начала заигрывать с Францией. С её подачи вступила в Лигу Наций и стала членом профранцузской балканской Антанты. И это не могло не вызвать и, ясное дело, вызывало законные опасения у СССР.

В отличие от Румынского королевского флота (четыре эсминца, три миноносца и подлодка) и «морских сил» Болгарского царства (четыре стотонных миноноски), которые были невелики, Турецкий флот (линкор, два крейсера, четыре новейших эсминца, две канонерки и четыре подлодки) почти не уступал РККЧФ, и представлял серьёзную угрозу. В случае ухудшения советско-турецких отношений. Поэтому за ним надо было приглядывать. Чем и занималась 106-я авиабригада.

Ни севастопольцы, ни одесситы, ни ялтинцы, ни керченцы, ещё не забыли визиты кораблей под турецким флагом в Империалистическую. И салюты, которые устраивал из своих тяжёлых орудий «Султан Селим». И его охвостье – крейсера «Мидилли», «Хамидие» и «Меджидие».

Пиратские налёты на побережье прекратились только после вступления в строй черноморских дредноутов. Но после их гибели – «Императрицы Марии» от рук германских диверсантов, «Свободной России» (она же «Императрица Екатерина Великая») от рук красных, а «Генерала Алексева» (он же «Воля», он же «Император Александр III») от

рук белых – защитить русские города от вражеских снарядов было некому. Пока в Севастополе не бросила якорь «Парижанка».

Свой первый вылет в севастопольском небе Сергей совершил уже через месяц после прибытия. После того как сдал зачёты по знанию матчасти, гидроаэродрома и района полётов. Комотряда Бартновский слетал с ним в зону. Проверил технику пилотирования. И допустил к несению дежурства.

С экипажем Сергеем повезло. Старший лётчик-наблюдатель Николай Чаривный имел большой опыт полётов над морем. А радиотелеграфист-пулемётчик старшина Пётр Литовченко был сверхсрочником. И тоже служил уже не первый год.

Летающие лодки 106-й морской тяжёлой бомбардировочной авиабригады контролировали огромную акваторию.

Ближние морские разведчики С-62 бис и МБР-4 (лицензионный вариант «гитары»), с радиусом двести пятьдесят миль, ходили на запад до Одессы и Констанцы, на юг до Синопа и на восток до Туапсе и Новороссийска. А дальние разведчики Дорнье «Валь» – до любой точки на турецком, болгарском или румынском берегу. И не только. Пятисотсоркамильный радиус позволял «летающим китам» навестить и Софию, и Бухарест, и Стамбул. И даже Анталию. Буде потребуется. Передать горячий боевой привет. И вернуться назад.

Впрочем, вернуться иногда было нелегко. Всё-таки море останется морем. Особенно, Чёрное. Которое древние греки

называли Аксинским. В смысле, негостеприимным.

Особенно в весенний и осенне-зимний период...

После трёхдневного ноябрьского шторма на рейде стояла полуметровая зыбь. Погода толком ещё не наладилась, но штаб флота не мог ждать. И приказал поднять разведчика. Как только прояснится.

Экипаж Сергея был дежурным. Им и выпало лететь.

Он опробовал мотор на малых и на больших оборотах. Всё было в ажуре. Сергей доложил комэске о готовности и получил разрешение на вылет. Аэродромная команда тотчас скакала «Савойю» в воду. Мотористы в комбезах убрали тележку перекатного шасси и опустили хвост на бетонную плиту.

Когда мотор прогрелся, Сергей поднял левую руку вверх. Стартёр махнул белым флажком. И краснофлотцы столкнули хвост со спуска. Направив «гитару» вдоль наката, Сергей раскачал её на разбеге, чтобы оторвать от воды. И взмыл в небо. А потом развернулся. И взял курс на зюйд-вест.

Никаких предчувствий у него не было. Обычное задание. Маршрут по треугольнику. Туда-сюда-обратно. Осмотреться и доложить. Ежели что. В смысле, мало ли что. Ну, и насчёт погоды, само собой. За этим и отправляют. В первую очередь. А во вторую – поглядеть, что у турецких берегов делается. И у румынских.

Они прошли над Балаклавой. Оставили позади берег, охваченный белопенной каймой прибоя. И вскоре оказались наедине с морем. И небесами. Которые снова хмурились.

Тем сильнее, чем дальше они уходили на юго-запад. Но это было не страшно. Пока не заглох двигатель.

Выбора у Сергея не было. Надо было садиться. Срочно! Что в сложившейся ситуации было весьма непростой задачей. «Савойя» в воздухе висела на моторе. И если движок вставал, планировала не многим лучше обычного листа фанеры.

Сергей посмотрел вниз. Барашков было не заметно.

Но это ещё ничего не значило! Сверху поверхность моря казалась гладкой. Почти как в штиль. Но это только казалось. На Чёрном море после шторма всегда идёт накат – длинные валы без барашков. Довольно большой высоты. Иногда очень большой. И при посадке самолёт мог воткнуться в такой вал как в бетонную стену. С теми же последствиями.

Сергей до рези в глазах вглядывался в море. Пытаясь определить направление наката. Чтобы успеть развернуться. И посадить машину не поперёк, а вдоль волны.

Времени на расчёт у него практически не оставалось.

«Гитара» валилась вниз. А двигатель молчал. И надо было садиться с первой попытки. Потому что второй попытки у них уже не будет.

Но им повезло. Доворачивать пришлось совсем немного. Сергей выровнял машину. Летящая лодка коснулась воды и заскользила, поднимая тучи брызг. Потихоньку заваливаясь влево и сползая с вала. Пока не замерла, развернувшись и клюнув носом.

– Осмотреться в отсеках! – приказал Сергей экипажу.
Самолёт сильно качало. Вверх-вниз. Но это было ничего.

Главное, сели!

– Первый отсек без повреждений, – отозвался летнаб.

– Как далеко мы успели забраться? – спросил Сергей.

– Полтора ста миль.

– Третий, четвёртый и пятый отсеки в порядке, – доложил Литовченко.

Сергей отстегнул ремни и вылез на крыло. Чтобы осмотреть мотор. В тайной надежде. Что поломка будет пустяковой. Что им удастся починиться. И вернуться домой.

Радиатор был в порядке. Бензопровод и маслопровод тоже. Потёки и пятна копоти – как обычно. Пахло нагретым металлом, выхлопными газами и горелой проводкой.

Сергей поднял кожух. Почесал затылок. И опустил кожух обратно. С авиадвигателем «Ассо» он был знаком. Но. Лишь в объёме программы лётной школы. И дал себе зарок. Когда они выберутся отсюда. А они непременно выберутся! Изучить мотор до последней гайки.

– Ну, и что с ним? – спросил Чаривный.

– А хрен его знает! – прыгнул обратно в кабину Сергей.
– Мать его растак! И так её, и эдак!

Дела были плохи. Сто пятьдесят миль – это полтора часа лёту. Но для корабля, даже если его сразу вышлют – не меньше полусуток хода! А потом их ещё и найти надо. Среди ночи. Посреди моря. А у них всего три десятка сигнальных

ракет!

– Петро, телеграфируй на берег: «Сели в море, нуждаемся в помощи»! И наши координаты, – приказал Сергей. – А ты, Коля, глянь, что у нас в пайке. Похоже, мы тут задержимся.

Черноморские военморлётцы из уст в уста передавали рассказ о том, как однажды «Савойя» С-16, вот, также села на воду и дрейфовала целых девять дней (в том числе, три штормовых), прежде чем её сумели найти!

Минут через пять Чаривный вынырнул из своего люка:

– Вода. Десять литров. Консервы. По три банки на каждого. Сгущёнка и тушёнка. По три плитки шоколада. По пачке галет. И сахар-рафинад. Тоже по пачке.

– Ого! – улыбнулся Сергей. – Неделю можно продержаться! – и тут же добавил, заметив, как сникли ребята после его неосторожной шутки. – Отставить вешать нос! Нас обязательно найдут! А пока, – он выпрямился. – Устанавливаю распорядок дня. Вахта – два часа. Приём пищи – три раза в сутки. Вода – раз в четыре часа. По кружке. Трогать паёк без команды запрещаю. Первая вахта – лейтенант Шамшурин. Вторая – лейтенант Чаривный. Третья – старшина Литовченко.

Между тем, стало понемногу свежеть. Волны украсились белоснежными гребешками. И становились всё выше. Но лодка была итальянской сборки. Из очень хорошего дерева. И могла выдержать сильное волнение.

Обшитая фанерой, обтянутая полотном и покрытая ла-

ком, она выглядела лёгкой. Но обладала изрядной прочностью. Днище и корпус ниже ватерлинии были обиты 90-мм кедровой доской и проклёпаны медными заклёпками. А между досками и обшивкой уложено просмоленное полотно.

К сожалению, кабины «гитары» были открытыми, а борта – низкими. Поэтому их сильно заливало. Так, что приходилось постоянно вычерпывать воду.

А ветер с каждым часом усиливался. «Савойю» швыряло из стороны в сторону. Словно щепку. Унося всё дальше на юг...

Их искали самолёты. Искали корабли.

Но нашли только на четвёртые сутки. Мокрых до нитки. И замёрзших до мозга костей. С глазами, покрасневшими от морской соли. И от бессонницы. Исхудавших и небритых. Смертельно уставших.

Но не сдавшихся...

Глава 4

...Рецепт счастья на самом деле очень прост.

Женщине для того, чтобы быть счастливой, нужно любить. А мужчине – быть любимым.

Однако чаще случается наоборот. И оба страдают. Он – оттого что не любим. А она – оттого что не любит.

К сожалению, люди начинают это понимать только после свадьбы. И то не сразу. А лишь много лет спустя.

При этом большинство супругов полагают, что ничего уже нельзя исправить. Ненавидят друг друга. Но продолжают терпеть. И мстят. По мере возможности. Мужья за то, что их чувство осталось безответным. И угасло. А жёны за то, что в их душе оно так и не родилось...

Первое время у Сергея с Тamarой всё было путём. В бригаде он был на отличном счету. Получал неплохое денежное содержание и продуктовый паёк. А осенью был награждён часами – карманным морским хронометром «Lemania» швейцарского производства. В серебряном корпусе с двумя крышками. И дарственной надписью: «Ст. лётчику тов. Шамшурину С.И. за организацию борьбы за живучесть авиарийного гидроплана в тяжёлых условиях штормового моря от Командования Р.К.К.ЧФ». Об этом даже писали в газетах. Во флотской «Краснофлотец» и городской «Маяк Коммуны».

Жили они на Южной стороне. В большом красивом доме с окнами, выходящими на Артиллерийскую бухту. На третьем этаже. В семикомнатной квартире со всеми удобствами. Электрическим освещением, канализацией, водопроводом, репродуктором и телефоном.

Правда, телефон был общий. И висел на стене в длинном широком коридоре, в который выходили двери ватерклозета, ванной и кухни. А также жилых комнат. Где, кроме Сергея с Тamarой, проживало ещё одиннадцать человек. Поскольку квартира была коммунальной.

Плита на кухне была одна на всех. Как и раковина. Зато у каждого квартиросъёмщика имелся свой кухонный стол и настенный шкафчик с посудой. Нагревательная колонка, унитаз и ванна тоже были общими. Однако жильцы предпочитали мыться не в ванне, а в собственных тазиках. И сидеть на собственных стульчаках в уборной. В целях личной гигиены и прочей санитарии.

Коллектив в квартире подобрался нескудный. Поэтому редкий вечер проходил без кухонной разборки. И перемины костей всех присутствующих и отсутствующих.

Квартироуполномоченный с супругой занимал самое большое помещение – бывшую гостиную. Уполномоченный трудился столоначальником в горкоммунхозе. И был солидным упитанным мужчиной. Но рядом с супругой, дамой просто монументальных размеров, выглядел почти задохликом. В комнате напротив жила секретарша с Электромортреста.

Стриженная. Свободная и независимая. По мнению супруги уполномоченного даже чересчур. Свободная. В двух смежных комнатах, до уплотнения являвшихся одним целым, а теперь разделённых перегородкой, теснилась молодая многодетная семья. Клёпальщик с Севморзавода и его беременная жена с четырьмя отпрысками. Мал мала меньше. В комнате у входной двери иногда ночевал портовый амбал. Не дурак выпить. Любитель женщин. И подраться. А в самой маленькой комнатке, возле галюна, обитала бывшая хозяйка квартиры – вдова морского офицера, погибшего ещё в русско-японскую. Тихая, забитая старушка. Обломок царского режима.

Отношения с соседями Сергей наладил легко.

Мадам уполномоченная млела от одного его вида. В лёгкой форме. Говорила с придыханием. И была готова на любые жертвы. Лишь бы угодить. Как и её супруг, сразу же оценивший высокое общественное положение нового жильца.

Секретарша строила Сергею глазки. Откровенно заигрывая. И доводя мадам до белого каления.

Старшие пацанята клёпальщика, погодки трёх, четырёх и пяти лет, атаковали Сергея каждый раз, как только он показывался из своей комнаты. Младшего он сажал на шею, а двоих брал под мышки. И таскал по коридору. Это называлось «полетать». Мальцы визжали. А их замотанная мать улыбалась, стоя в дверях с ползунком на руках.

К вдове Сергей относился с подчёркнутым уважением.

Называл по имени-отчеству. И остальных к этому приучил. С клёпальщиком иногда пропускал по кружке пива в выходной день. А амбала, когда тот очнулся после нокаута, предупредил. На первый раз. Что второго раза уже не будет.

Впрочем, львиную долю суток, иногда от первого катера до последнего, он, как и положено молодому среднему командиру, проводил в части. Особенно после того, как ему дали другую машину – новейший морской ближний разведчик отечественной конструкции МБР-2-М-17.

«Савойю» Сергея после четырёхдневного дрейфа в открытом море отремонтировали, перебрали двигатель и меняли сгоревшее магнето. А потом списали. И передали в Гражданский Воздушный Флот. Как и все остальные «гитары», ещё числившиеся за 106-й авиабригадой.

По своим лётно-техническим характеристикам «амбарчик» почти не уступал «Савойе». А кое в чём даже превосходил. Максимальный взлётный вес по сравнению с «гитарой» снизился на полтонны. Дальность полёта выросла в полтора раза, а потолок увеличился на пятьсот метров. Хотя мощность советского мотора М-17 была на треть ниже, чем у итальянского «Ассо». В связи с чем, скорость уменьшилась на пятнадцать километров в час. Что, в действительности, было не очень большой платой за целый ряд преимуществ.

Поршневой V-образный 12-цилиндровый авиадвигатель с водяным охлаждением М-17 номинальной мощностью пятьсот лошадиных сил (лицензионный вариант германского

двигателя BMW-VI) был надёжным и простым в эксплуатации. В радиатор можно было заливать обычную дождевую воду. В бензобаки – низкокачественный бензин. А в масляный бак – дешёвое минеральное масло. Вместо касторового, применявшегося для смазки привередливых иностранцев. И, наконец, самое главное. При всём при этом, ресурс М-17 достигал четырёхсот часов! Что же касается мощности, то пятьсот лошадей он развивал на высоте пять тысяч метров. У земли этот табун возрастал до шести сотен!

Внешне МБР-2-М-17 очень походил на «Савойю» С-62 бис. Поскольку имел такое же вооружение и ту же компоновку. С мотором на высокой раме и толкающим винтом. Но! В отличие от «гитары», выглядевшей довольно архаично со своими стойками и расчалками, был монопланом.

Сергей с большим энтузиазмом изучал новую матчасть (особенно, двигатель!). Вникая во все мелочи и детали. Сдал зачёт на «отлично». И вскоре был допущен к полётам.

А пока он летал, Тамара ждала его дома. Ходила в магазин. Готовила. Прибиралась. Иногда стирала. И очень много читала. Записалась в Центральную городскую библиотеку имени Льва Толстого. Каждую неделю брала книги. И целыми днями читала. Зимой – дома. Устроившись на кровати. Весной – на бульваре. Сидя на скамейке. А летом – на пляже.

Устраиваться на работу она не спешила. А смысл? Даже за вычетом алиментов (четверть зарплаты!), того, что приносил Сергей, вполне хватало. И на еду, и на портвейн, и вообще.

Зато, когда он приходил со службы, она всегда была рядом. Ухоженная. Завитая и покрашенная. В красивом платье. А на столе стояла бутылка «Массандры».

По выходным, и даже в будни, когда Сергей был свободен от служебных обязанностей, Тамара обязательно вытаскивала его куда-нибудь. В драмтеатр. Или на звуковую фильму. Но чаще всего – в ресторан. Чтобы потанцевать. И посидеть с фужером красного вина. В культурной обстановке.

И всё бы было хорошо. Если бы они не ссорились. Каждый раз, когда выпивали.

Они и раньше могли сильно повздорить. Ещё до того, как расписались. Тамара несколько раз даже прогоняла Сергея. Насовсем! Но он приходил снова. И они мирились. А потом опять ссорились. И снова мирились.

Хуже всего было то, что лишь после выпивки и пьяной ссоры у неё просыпалось желание. И когда Сергей уклонялся от исполнения супружеского долга (а он уклонялся! потому что у него после этой ругани желание пропадало начисто), скандал продолжался с ещё большей силой.

Вот, и здесь, когда Тамара приехала, началось то же самое. Во время разборок она не стеснялась в выражениях (особенно, если ссора не заканчивалась постелью), материлась и орала, что бы Сергей убирался. И всякие прочие гадости. Могла даже швырнуть в него чем-нибудь. А на другой день извинялась и просила прощения. И он тоже. Извинялся и просил.

У него была крепкая нервная система. Но вино делало

своё чёрное дело, а Тамаре удавалось отыскать такие обидные слова, что в какой-то момент Сергей просто не выдерживал. Взрывался. И мог наговорить такого, чего никогда бы не сказал, если бы был трезвый.

А иногда ему казалось, что она и в самом деле не любит его. И всё бесполезно.

Потому что Тамара, обидевшись на Сергея за что-нибудь, уезжала к сестре в станицу. На месяц. Или на два. Или на три. А он писал ей покаянные письма. Обещая, что больше так не будет. Она возвращалась. И жизнь опять шла своим чередом. До следующей ссоры.

В начале мая тридцать шестого года за освоение новой техники и успехи в боевой, политической и технической подготовке Сергею досрочно присвоили звание старшего лейтенанта. А потом направили на курсы командиров звеньев при ВШМЛ имени товарища Сталина.

За полгода будущие комзвена и комотряда должны были овладеть инструкторскими и методическими навыками, освоить технику пилотирования в сложных метеоусловиях, и днём, и ночью, отработать приёмы воздушного боя и бомбометания по морским и наземным целям, углубить знания матчасти и научиться грамотной её эксплуатации.

Само собой, в Ейск они с Тамарой поехали вместе.

Все остальные слушатели были размещены в кубриках авиашколы. И лишь для Сергея, учитывая наличие у него собственной жилплощади (и жены!), было сделано исключе-

ние. Поэтому после окончания занятий и самоподготовки он мог отлучаться из расположения. С условием обязательной явки к подъёму личного состава.

Если бы Сергей знал, к чему это приведёт, честное слово, отказался бы! А её, вообще, не стал бы брать с собой.

Но вышло, как вышло...

Поздней ночью он возвращался домой с полётов. Мог бы, конечно, и на аэродроме переночевать. В комнате отдыха. Но был свободен до завтрашнего утра. И побежал к жене.

А лучше бы этого не делал!

Полёт был дальним. И тяжёлым. Они ходили в Евпаторию. Но столкнулись с таким мощным грозовым фронтом над Арабатским заливом, что получили приказ вернуться.

Сергей шёл под ледяным дождём и улыбался, представляя, как обрадуется Тамара его неожиданному приходу! Ведь, она думает, что он будет лишь через день. А он придёт сейчас. Обнимет её. Напьётся горячего чая. И рухнет в койку.

Все мышцы ныли. Требуя отдыха.

Самолёт болтало, швыряло и подкидывало всю дорогу. И когда они пытались пробиться вперёд. Сквозь усложняющиеся с каждой минутой метеоусловия. И когда пробивались назад. Сквозь метеоусловия, усложнившиеся уже до предела.

Штурвал рвался из рук. И Сергею стоило большого труда удерживать машину на курсе. Посадка тоже оказалась не из лёгких. И добавила ему седых волос.

Но теперь всё уже было позади. А впереди ждала широкая панцирная кровать. Ласки жены. И целые сутки вдвоём.

А ночь стояла – ни звёзд, ни Луны! И ни одного огонька вокруг. Хоть глаз выколи!

Сергей шлёпал по лужам. Подсвечивая себе командирским фонариком. И вдруг увидел вдали свет в одном из окон.

И узнал свой дом. В смысле, дом Тамары. Который он тогда ещё считал своим домом.

На душе у него потеплело. Она почувствовала, что он идёт домой! Она любит его! И ждёт.

Но он ошибался. Его не ждали. В прихожей было темно. А в зале светилась лампа. И звучал патефон.

На столе стояла бутылка крепкого красного вина. И закусь. А за столом сидела Тамара. И какой-то мужичок средних лет. В галстук. Пиджак на стуле.

– Привет! – сказал Сергей жене. – А это кто?

Тамара молчала. Затравленно глядя на него.

Пластинка на патефоне доиграла. Но перевернуть её было некому. И она продолжала крутиться. И шуршать.

Сергей подошёл. Снял иголку с пластинки. И в доме повисла такая оглушительная тишина, что стало слышно, как тикают ходики в спальне.

Незнакомец смотрел на Сергея, как Дон Гуан из трагедии писателя А.С. Пушкина про Каменного командора.

– Вы только не подумайте, пожалуйста, – пролепетал, мужичок, поднимаясь из-за стола. – Я только проводил вашу

даму из ресторана, – он попытался надеть пиджак, но руки никак не попадали в рукава. – Было уже совсем поздно. Я только проводил...

Сергей прищурился. Бедолага осёкся на полуслове и замер посреди комнаты.

– Сейчас ты уйдёшь. И позабудешь сюда дорогу, – тихо сказал Сергей. – Понял?

Мужичок закивал головой. Словно китайский болванчик, которого щёлкнули по затылку. А потом шмыгнул вдоль стены, стараясь обойти Сергея как можно дальше.

Когда он испарился, Сергей подошёл к столу. И взял бутылку. Она была почти полная. Он приложился к горлышку. И выпил её до дна.

В голове было пусто. Сердце сдавило. И уже не отпускало. Говорить с этой женщиной ему было не о чем. И незачем. Во избежание тяжких телесных повреждений. По неосторожности. То бишь, в состоянии аффекта.

Ему хотелось уйти куда-нибудь. Но идти было некуда. Хотелось напиться. Но бутылка была пуста. А, впрочем, он ещё с курсантских времён помнил, где тут можно было раздобыть самогону. В любое время дня и ночи. Сергей поставил бутылку на стол. Повернулся. И ушёл...

Эти сутки стёрлись из его памяти начисто.

Очнувшись, он явился на курсы. И сразу же отправился в лазарет. Сказавшись больным. И дело было вовсе не в похмелье. Хотя похмелье было, будь здоров!

С Тамарой они не виделись две недели. Подлечившись и выйдя из лазарета, Сергей обосновался в школьном кубрике. Ссылаясь на предстоящие зачёты и экзамены.

Тамара сама пришла к нему.

Рано или поздно им всё равно надо было объясниться. И что-то уже решить. Они и объяснились. В смысле, Тамара всё ему объяснила. Что в ресторан она ходила со своей подругой. Незамужней. Которая познакомилась там с мужчиной. А когда ресторан закрылся, уговорила всех продолжить вечер. Дома у Тамары. А когда они продолжили, в какой-то момент вышла носик попудрить. И не вернулась. Зараз перед возвращением Сергея. А он устроил скандал! На пустом месте!

Вот так он снова оказался виноватым. И опять должен был просить прощения. И извиняться.

Оглядываясь назад, Сергей не мог не признать. Что вновь совершил ошибку. Что не надо было тогда просить прощения и извиняться. Что надо было тогда попроситься. Кое с кем.

Так или иначе, но свой шанс он тогда упустил. Уже в третий раз! А второй раз случился примерно за год до этого. Когда Тамара обнаружила, что уже на втором месяце. А потом за что-то обиделась на него. И сделала аборт. Чтобы не плодить безотцовщину. Потому что решила расстаться с Сергеем.

Она потом простила его, конечно, но было уже поздно.

Когда Тамара всё ему рассказала, Сергей плакал навзрыд. Как ребёнок. И до сих пор корил себя за гибель малыша.

Именно тогда, скорее всего, и надломилась его душа. И любовь, поначалу такая яркая и сильная, стала незаметно угасать. Как костёр в лесу. Дождливой и холодной осенней ночью. Когда его, вместо того чтобы поддерживать и всячески оберегать, нарочно затаптывают...

Звеном в 106-й бригаде он командовал недолго. Вскоре его назначили комотрядом. И перевели на Балтику. В 19-ю морскую разведывательную эскадрилью 105-й морской тяжёлой бомбардировочной авиационной бригады ВВС КБФ.

Балтийский флот был почти на восемьдесят лет старше Черноморского. И обладал столь же героической историей. Если благодаря победам черноморцев был повержен главный враг России на юге, то благодаря победам балтийцев – главный враг на севере.

К сожалению, врагов у неё после этого меньше не стало. Ибо самым непримиримым врагом русского государства, как бы оно ни называлось, всегда являлся Туманный Альбион. Готовый на любую подлость, лишь бы навредить России.

После гибели Российской Империи, Британия направила всю свою ненависть на СССР. И не жалея золота, стала натравливать на него лимитрофы – мелкие государственные образования, созданные на российских окраинах, отторгнутых интервентами во время Гражданской войны.

К лету тридцать седьмого года в составе Балтфлота насчи-

тывалось два линкора, лидер, пять эсминцев, пять сторожевиков, минзаг, шесть тральщиков, тридцать торпедных катеров и сорок одна подлодка (двадцать шесть средних, двенадцать малых и три подводных минных заградителя).

Ему противостояли корабли Кригсмарине (три броненосца, шесть лёгких крейсеров, шесть эсминцев, сорок миноносцев и тридцать шесть подлодок), Шведский королевский военно-морской флот (тринадцать броненосцев береговой обороны, три лёгких крейсера, девятнадцать эсминцев и шестнадцать подлодок), Датский королевский ВМФ (два броненосца береговой обороны, десять миноносцев и восемь подлодок), ВМС Финляндии (два броненосца береговой обороны, четыре канонерских и пять подводных лодок), Польши (четыре эсминца и три подлодки) и ещё трёх опереточных республик – Эстонии (две подлодки), Латвии (две подлодки) и Литвы (тральщик).

Хорошие отношения между Германией и страной Советов установились ещё в начале двадцатых. После завершения Империалистической бойни, когда Европа была поделена на побеждённых (Германия, Австрия и Венгрия) и победителей (Англия и Франция), а преданная союзниками, ограбленная и обрезанная со всех сторон, Россия стала изгоем. И смогла прорвать международную изоляцию лишь в двадцать втором году, заключив Рапалльский договор с такой же обрезанной и ограбленной Германией. А с двадцать шестого действовал советско-германский договор «О дружбе и ней-

тралитете». Активно развивались экономические и технические связи.

Однако не зря в народе говорится: дружба – дружбой, а табачок врозь. Рассчитывая на пересмотр Версальских договорённостей, Германия начала заигрывать с Антантой. Подписала Локарнские соглашения и вступила в Лигу наций. А в тридцать шестом заключила «Антикоминтерновский пакт» с милитаристской Японией. И это не могло не вызвать и, ясное дело, вызывало законные опасения у Советского Союза.

Шведский флот был достаточно силён. Но не высовывался из Ботнического залива. Ибо Швеция уже сто двадцать пять лет стойко придерживалась нейтралитета. После сокрушительного поражения в последней русско-шведской войне. Датский флот был не велик. И базировался довольно далеко. А белопольские, белофинские и прочие опереточные «флоты» были слишком малочисленны, чтобы принимать их в расчёт. Тогда как Кригсмарине значительно превосходили РККБФ и представляли серьёзную угрозу. В случае ухудшения советско-германских отношений. Поэтому за ними надо было смотреть в оба глаза. Чем и занималась 105-я авиабригада.

Впрочем, в её составе помимо двух разведывательных эскадрилий – 19-й и 20-й, имевших на вооружении летающие лодки МБР-2 и двухмоторные гидросамолёты КР-6а – имелись две минно-торпедные – 121-я и 122-я, которые были вооружены поплавковыми торпедоносцами ТБ-1П.

Двухмоторный тяжёлый бомбардировщик ТБ-1 во многом опередил своё время. Компоновка этого цельнометаллического моноплана с низким расположением крыла стала образцом для авиаконструкторов всего мира. Но к середине тридцатых, в связи с бурным развитием авиации, постоянным ростом грузоподъёмности, скорости, высоты и дальности полёта, он сильно устарел. Особенно поплавковый вариант.

При взлётном весе восемь тонн (с учётом полезной нагрузки в тысячу тридцать килограмм) и экипажем из шести человек (два лётчика, бомбардир и три стрелка) ТБ-1П с гофрированной кольчугалюминиевой обшивкой, открытой пилотской кабиной и тремя не экранированными пулёмётными турелями, огромными поплавками десятиметровой длины и низковысотной торпедой ТАН-12А, миной МАВ-1 или четырьмя 250-кг фугасными авиабомбами на внешней подвеске, развивал скорость всего сто девяносто километров в час. При этом радиус его действия, даже с дополнительным запасом топлива, не превышал двухсот пятидесяти миль.

Тем не менее, этого вполне хватало, чтобы дотянуться до Рижского залива или Хельсинки. И даже дальше. Восемь лет назад ТБ-1 «Страна Советов» впервые в мире совершил перелёт Москва – Нью-Йорк. Через Аляску и Калифорнию. Преодолев двадцать тысяч триста километров.

Дальний разведчик КР-6а «крейсер» при той же компоновке, тех же поплавках и моторах, что и ТБ-1П, имел раз-

мах крыльев на пять с лишним метров меньше, был на четыре метра короче, нёс две стрелковых точки вместо трёх и лишь полтонны бомб. По каковой причине летал на пятьдесят километров в час быстрее и на четыреста двадцать миль дальше.

«Крейсер», как и ТБ-1, тоже сумел вписать своё имя в историю авиации. Когда в мае этого года впервые в мире прошёл над Северным полюсом. Перед высадкой экспедиции Ивана Папанина.

105-я морская тяжёлая бомбардировочная авиабригада дислоцировалась прямо в Ленинграде. На гидроаэродроме в Гребном порту.

От Московского вокзала до Галерной гавани Сергей добирался на трамвае – новенькой сдвоенной «американке» с раздвижными деревянными дверями и длиннющими, во весь салон, лакированными скамьями вдоль бортов.

И, как прилип к вагонному окну на площади Восстания, так и не смог от него оторваться до самого конца. В смысле, до конечной остановки на 25-й линии Васильевского острова.

Сказать, что он был восхищён, значит не сказать ничего! Сергей был поражён, ошеломлён, потрясён. Потому что таких чудесных дворцов и соборов, улиц, площадей и набережных он не видел даже в Севастополе.

Прогрёмев по трём мостам (Аничкову, имени товарища Плеханова и Народному) и останавливаясь, как экскурсовод,

в самых красивых местах, трамвай прошёл по удивительно широкому (шестьдесят метров ширины!) и длинному (четыре с половиной километра длины!), прямому как стрела, проспекту имени 25-го октября. И, свернув возле Главморштаба, прозвенел мимо площади имени товарища Воровского и парящего над ней на стометровой высоте золотого купола Государственного антирелигиозного музея. Затем перебрался через Неву по разводному мосту имени лейтенанта Шмидта. Покрутился по василеостровским проспектам и линиям. И, проскочив мимо трампарка, посадил Сергея возле Дома культуры Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов имени товарища Кирова. Который своими размерами произвёл на него не меньшее впечатление, чем гигантский полукруг колоннады Музея истории религии и атеизма рядом с каналом Грибоедова и сверкающие на Солнце купола антирелигиозного музея.

Величественный силуэт ДК ВЦСПС (самого большого здания в Ленинграде!) с характерным ступенчатым нарастанием объёмов и венчающей десятиэтажный корпус башней с закруглённым стеклянным фасадом в виде судовой рубки был похож на пришвартованный посреди огромного пустыря океанский лайнер невероятных размеров.

Сергей ещё не знал тогда, какую важную роль предстоит сыграть этому очагу культуры в его жизни.

Улыбнувшись на прощание молоденькой вагоновожатой, он подхватил чемодан и вышел из трамвая. А потом прошёл-

ся по Малому Гаванскому проспекту. До контрольно-пропускного пункта на Наличной улице. И оказался на гидроавиабазе.

Выйдя к заливу, Сергей увидел тяжёлые бомбардировщики ТБ-1П и крейсера КР-ба, распластавшие крылья над водой возле бетонного спуска.

И это было очень непривычно. Глядеть на них снизу.

В севастопольских бухтах берега везде крутые и высокие. Поэтому даже крупные поплавковые машины было видно сверху. А здесь, в Гребном порту, берег оказался низкий и пологий. И двухмоторные гидросамолёты поднимались над ним на своих поплавках почти на три метра.

Солнце стояло уже высоко. Дул лёгкий ветерок. И яркие солнечные блики скакали тут и там. Отражаясь от тёмной поверхности воды, остекления кабин и гофрированных дюралюминиевых плоскостей самолётов.

Между тем, аэродром жил своей обычной жизнью. Пилоты и летнабы уже ушли, оставив машины на попечение технарей. Для послеполётного осмотра и регламентных работ. Прибористы копошились в кабинах. Техники лазили по крыльям и поплавкам. Оружейники проверяли бомбодержатели и турели. А мотористы облепили движки.

На Сергея никто не обращал внимания. Даже расчёты зенитных пулемётов, скучающие у своих спарок на крышах ангаров. Не говоря уже о погрузившемся в любимое дело техсоставе.

Знакомая до боли картина.

Сергей усмехнулся. И отправился в штаб. Представиться начальству. Комбригу. Военкомбригу. Начпобригу. Помкомбригу. Начштабригу. И так далее. Вдоль по коридору. А потом встать на довольствие и определиться на постой.

Когда пришёл приказ о его переводе к новому месту службы, Тамара уехала к сестре. Повидаться с дочкой. И всё такое. А он сдал отряд. Отослал багаж малой скоростью. И сел в поезд. Налегке. В смысле, один. Само собой, так было разумнее. И вообще.

Зачёт по технике пилотирования у него принимал комбриг. Полковник Вирак долгие годы работал лётчиком-инструктором. Был командиром отряда в Высшей школе морских лётчиков и летнабов ВВС РККА имени товарища Сталина. И Сергей на какое-то мгновение вновь ощутил себя курсантом. Который сдаёт госэкзамены. Но всё же сумел собраться. И показать товар лицом.

А Вирак молча сидел в правом кресле. И в управление не вмешивался.

Сергей иногда косился в сторону командира. Незаметно. Но так ничего и не разглядел на его непроницаемой и жёсткой, словно вырезанной из гранита, эстонской физиономии. Пока, подрулив к берегу, не доложил, как положено, о выполнении полётного задания, и спросил:

– Какие будут замечания, товарищ комбриг?

– Замечаний не будет, товарищ старший лейтенант, – от-

ветил Вирак. – Допускаю вас к самостоятельным полётам, – его губы тронула лёгкая улыбка, и было видно, что он полностью удовлетворён увиденным. – Летайте и дальше также уверенно и аккуратно.

И эта оценка стоила дороже любой награды!

Арсений Вирак служил в морской авиации уже двадцать лет. Участвовал в Империалистической. Бил британских и прочих интервентов в Гражданскую. В восемнадцатом году окончил школу авиамехаников. В двадцать первом – Егорьевскую школу авиации Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного флота. В двадцать третьем – Севастопольскую военно-морскую школу авиации (носившую имя тогдашнего наркомвоенмора Троцкого, подлого иуды и предателя, которого раскусил товарищ Сталин, повёл с ним решительную борьбу и раздавил как мерзкую гадину!). Потом почти восемь лет учил летать будущих военморлётчиков. С тридцать первого года – на командных должностях в 105-й авиабригаде. Начал с командира отряда (как Сергей). И за пять лет вырос до комбрига (глядишь, и Сергей дорастёт однажды!).

Высокий и широкоплечий, слегка флегматичный, как все прибалты, Вирак, как и все прибалты, был очень упрям в достижении поставленных целей. И сумел пересадить сначала свою эскадрилью, а затем и остальную бригаду на новейшие гидросамолёты и летающие лодки отечественной конструкции. За что и был награждён орденом Красной Звезды.

Однако мало пересест на новые самолёты. И научиться

на них летать. Надо ещё научиться на них побеждать!

Высшей формой боевой подготовки в мирное время являются манёвры – двусторонние учения стратегического или оперативного масштаба. Которые проводятся с целью проверки боеготовности войск. Приучая командиров распоряжаться своими частями и соединениями в условиях современного боя. В реальном масштабе времени.

В конце августа в ходе подготовки к осенним манёврам Краснознамённого Балтийского флота состоялось Большое отрядное учение № 2. На тему «Удар авиацией и подводными лодками по охраняемым транспортам противника в отдалённом районе Финского залива днём».

Учебная оперативная задача, поставленная перед ВВС «красных», заключалась, во-первых, в обнаружении походного ордера «синих» и наведении своих подводных лодок для атаки, а во-вторых, в нанесении удара по конвою во взаимодействии с подлодками.

Роль «транспортов» исполняли линкоры «Октябрьская революция» и «Марат», следовавшие в охранении эсминцев «Ленин», «Карл Маркс», «Энгельс», «Яков Свердлов» и «Артём». Два дивизиона подлодок, 15-й (Щ-305 «Линь», Щ-306 «Пикша», Щ-308 «Сёмга», Щ-309 «Дельфин») и 12-й (Л-1 «Ленинец», Л-2 «Сталинец», Л-3 «Фрунзевец»), нанесли по ним удар из-под воды, а 105-я авиабригада – с воздуха.

Районом проведения БОУ № 2 был определён Финский

залив. До меридиана Либавы. То есть почти на полный радиус «амбарчиков». Однако лететь так далеко им не пришлось. Поскольку все события развернулись в нейтральных водах юго-восточнее полуострова Ханко.

На поиски «синих» отряд Сергея поднялся через час после восхода Солнца. Информацию о месте и элементах движения «конвоя», полученную в результате «радиоперехвата», им довели во время предполётного инструктажа. Осталось только выйти в заданный район. Отснять ордер на фотоплёнку. И сообщить в штаб его точные координаты, курс и скорость. А потом покрутиться рядом. И покараулить. Пока не подспеют тяжёлые бомбардировщики...

Два звена серебристых летающих лодок с красными звёздами на крыльях и фюзеляжах, ревя моторами, шли строем пеленга на высоте полутора тысяч метров.

На исходе второго часа полёта, когда остров Найссаар остался позади, Сергей условным сигналом, не выходя в эфир, приказал усилить наблюдение.

Летнабы, высунувшись из кабин, зашарили биноклями по горизонту, стремясь как можно раньше обнаружить «вражеские» корабли.

Штурман у Сергея был опытный. Ходил над заливом уже третий год. Знал его, как свои пять пальцев, и вывел отряд в указанную точку. Точно по расчёту времени.

– Вижу «конвой», – доложил Николаев. – Семь вымпелов. Курсовой – тридцать. Идут тремя колоннами. Линко-

ры в центре, эсминцы в охранении. Направление – норд-ост-тень-ост. Скорость – пятнадцать узлов.

Сергей покачал крыльями, давая знать ведомым об обнаружении противника. И спросил:

- Петренко, слышал штурмана?
- Так точно, товарищ командир!
- Отбей молнию в штаб!

Отряд приближался к цели со скоростью пятьдесят с лишним метров в секунду. А Сергей из последних сил боролся с искушением отбомбиться по флагману Краснознамённого Балтийского флота.

В задачу отряда входила только разведка. Но. Когда ещё выпадет такой случай! Это, во-первых. А во-вторых, «поплавки» подтянутся не раньше, чем через три часа. И «синие», зная, что обнаружены, будут их ждать. С расчехлёнными зенитками. В количестве сорока восьми стволов. Не считая счетверённых пулемётных установок. И при таком раскладе ещё неизвестно, кому посредники засчитают победу.

В небе не было ни облачка. Видимость – миллион на миллион! Как и обещал метеоретик. И было просто грешно не воспользоваться таким удачным стечением обстоятельств. В смысле, ярким солнечным диском за спиной. В слепящих лучах которого можно укрыться. А потом свалиться на противника. Как снег на голову! Поскольку сейчас противник нападения не ждёт. Наивно полагая, что у него ещё целый вагон времени. Потому что бомбардировщики «красных» ещё

только прогревают свои моторы. Чтобы подняться в воздух, когда разведчики обнаружат цель. И не раньше.

– Петренко, – окликнул Сергей стрелка-радиста. – Почему молчишь? Отправил?

– Уже заканчиваю, – отозвался тот. – Всё! Есть квитанция, товарищ командир!

«Ладно! Бог не выдаст, свинья не съест!» – принял решение Сергей.

– Экипаж, слушай боевой приказ! Атаковать и уничтожить конвой противника! – он перевёл дух. – Штурман, просигналь ведомым: «Делай, как я! Первому звену атаковать и уничтожить головной транспорт, второму – концевой. Атака учебная. Бомбометание обозначить красной ракетой. Момент прохода над целью заснять».

Не зря в народе говорится: смелость города берёт!

Противник, действительно, не ожидал налёта. Сигнальщики не сводили глаз с горизонта. Но так ничего и не увидели. Пока прямо над ними с оглушающим рёвом не пронеслась шестёрка краснозвёздных «морских чаек». С оперёнными каплями 50-кг фугасных авиабомб под центропланом (по восемь штук на каждом «амбарчике»). Отсалютовала ракетами. И сделала дядям ручкой. В смысле, помахала крыльями.

Расчёт оказался верным. Были ошеломлены не только сигнальщики. Начштафлота капитан 1-го ранга Левченко стоял на мостике. И тоже схватился за фуражку. Чтобы не унесло.

Когда «амбарчики» прошли над «Октябриной».

Что, по сути, и предрешило исход учений...

Глава 5

...Людям часто приходится принимать решения, которые влияют на всю их дальнейшую жизнь.

Собственно говоря, все решения на неё влияют. Однако некоторые из них влияют очень зримо. И меняют жизнь очень надолго. Иногда насовсем...

Так уж вышло, что Судьба постоянно подталкивала Сергея к принятию таких решений. И он всё время их принимал.

Сначала, когда тайком залез в военный эшелон. И уехал из Каинска в Ново-Николаевск. Едва не умер от тифа. И несколько лет безпризорничал. Пока его не поймал опер из транспортной ЧК и не сдал в детдом. Потом, когда пришёл в деповскую школу фабрично-заводского ученичества. И на долгие годы встал у слесарных тисков. Затем, когда вступил в Партию. И навсегда выбрал курс, указанный товарищем Сталиным. Не поддавшись на лживые посулы троцкистско-зиновьевских предателей.

В тридцатом году. Когда поступил в 1-ю Сибирскую школу пилотов Осоавиахима. И навсегда связал свою жизнь с небом. И в тридцать третьем. Когда поступил в Высшую школу морских лётчиков и летнабов ВВС РККА имени товарища Сталина. И навсегда связал свою жизнь с морем.

Когда зашёл в клуб «Транспортник». И встретил Катерину. А она взяла и забеременела. И ему пришлось жениться.

Когда зашёл в Парк культуры имени товарища Калинина. И встретил Тамару. А она взяла и приворожила его. И ему пришлось разводиться. Чтобы жениться. И, вот, теперь. Когда зашёл в Василеостровский Дом культуры. И встретил Анастасию.

Но об этом чуть позже...

В наследство от предыдущего командира отряда Казакова, назначенного комэска и убывшего к новому месту службы, ему досталась отдельная квартира. По улице Гаванской, восемь. В длинном двухэтажном доме с огромными окнами и высокими потолками. В котором жили семьи комнатно-состав бригады.

Квартира была небольшая – одна комната (она же гостиная, она же кабинет, она же спальня) и прихожая. Но! Имела кухню с печкой. И санузел.

Комбриг жил в четырёхкомнатной квартире. Как ему и было положено. В соответствии с нашивками. То бишь, служебной категорией. Точнее, персональным воинским званием. Так как категории были уже отменены. Хотя на количество и ширину галунов на рукавах это не повлияло. Старший лейтенант ВВС ВМС РККА по-прежнему носил два средних с голубой прошивкой, а полковник – четыре.

Остальной командный и начальствующий состав занимал квартиры поменьше, чем комбриг. Как оно им и было положено. В соответствии с их персональными званиями.

Дом был большой. Но все друг друга знали. И дружили

семьями. Над волейбольной площадкой все выходные летал мяч. Кто-то крутил «солнышко» на турнике. Кто-то упражнялся на брусьях. Или жал гири. Здесь же рядом, за деревянными столами под тенистыми зелёными клёнами, шли безконечные чемпионаты по шахматам и шашкам. Гремели костяшками доминошники. Тут и там, играя, бегали дети. Звучала гармонь. Командирские жёны, все как одна – молодые и красивые, пели. А по вечерам устраивались танцы под патефон.

Иногда все вместе ходили в театр Балтфлота на «Первую Конную» или «Оптимистическую трагедию». Или куда-нибудь ещё. В театр рабочей молодёжи, театр музыкальной комедии или государственный академический театр оперы и балета.

Но гораздо чаще бывали в кинозале Дома культуры ВЦСПС имени товарища Кирова. На новой звуковой кинокартине «Глубокий рейд» (о том, как советские бомбардировщики направляются в тыл врага и наносят ему сокрушительный удар, который решает исход войны) или «Остров сокровищ» (про безстрашную Дженни и отважного доктора Лайвеси, победивших алчных английских пиратов и раздобывших деньги на оружие для ирландских повстанцев). Чтобы ещё раз посмотреть фильмы «Чапаев», «Юность Максима», «Семеро смелых» и «Мы из Кронштадта». Спеть вместе с Робертом и Мэри из «Детей капитана Гранта». Посмеяться над лилипутским королём вместе с Петей из «Нового Гул-

ливера». От души порадоваться за Мэрион Диксон из «Цирка». И похихотать над драчливыми музыкантами из «Весёлых ребят».

Вином на Гаванской, дом восемь, не злоупотребляли. Даже в пролетарские праздники. Комбриг этого не приветствовал. И не допускал. Поэтому когда собиралась дружеская компания, три-четыре семьи, покупалась одна бутылка вина на всех. Да, и та обычно оставалась недопитой.

Заехав в освободившуюся квартиру, Сергей быстро влился в коллектив. Но ближе всех сдружился с командиром отряда «крейсеров» старшим лейтенантом Раковым. Может, потому что они жили на одной лестничной площадке. А может, потому что были ровесниками. И учились в одной авиашколе. Хотя Василий окончил её на три с половиной года раньше. Когда она ещё дислоцировалась в Севастополе. В связи с чем, у них нашлось много общих знакомых.

Между тем, страна уверенной поступью шла к светлому будущему, досрочно выполнив второй пятилетний план.

За годы пятилетки валовая продукция народного хозяйства выросла более чем в два раза. Было построено более четырёх тысяч крупных предприятий. Вступили в строй Челябинский тракторный завод имени товарища Сталина, Уралмашзавод и Уралвагонзавод, металлургические заводы «Азовсталь», «Запорожсталь», Криворожский, Новолипецкий и Новотульский. Был открыт Беломорско-Балтийский канал и канал Москва-Волга имени товарища Сталина.

В феврале с огромным размахом была отмечена столетняя годовщина со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина. Его имя было присвоено городу Детское Село, десяткам улиц и площадей во всех городах СССР. Состоялась Всесоюзная Пушкинская выставка. Вышло первое Полное академическое собрание сочинений писателя. И множество других изданий. Стихотворения поэта учили наизусть и дети, и взрослые.

Советские люди радовались жизни. И били один трудовой рекорд за другим. Шахтёры выдавали тонны угля на гора. Свинарки и пастухи увеличивали привесы. Рабочие выкатывали из заводских цехов трактор за трактором. А сталинские соколы штурмовали небеса.

В конце мая Герой Советского Союза Водопьянов посадил огромный четырёхмоторный АНТ-6 «СССР Н-170» на Северном полюсе. Высадив там папанинцев.

Месяц спустя Герои Советского Союза Чкалов, Байдуков и Беляков на своём легендарном самолёте АНТ-25 «Сталинский маршрут» на огромной высоте в сложнейших метеоусловиях впервые в мире совершили беспосадочный перелёт из Москвы в Северо-Американские Соединённые Штаты через Северный полюс, пройдя за шестьдесят три часа восемь с половиной тысяч километров.

А в июле этот подвиг повторил экипаж Героя Советского Союза Громова. Преодолев за шестьдесят два часа десять с лишним тысяч километров по прямой (одиннадцать с поло-

виной тысяч по ломаной) от столицы СССР до городка Сан-Джасинто в САСШ. И установил абсолютный рекорд дальности.

И всё бы было хорошо. Если бы не троцкисты. И прочие враги народа. Которых давили доблестные органы внутренних дел. А они всё вредили и вредили. С бешеной злобой.

Год назад в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов состоялся показательный суд по делу «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», созданного по указанию Троцкого (он же Бронштейн Лейба Давидович) его подручными – бывшими членами Политбюро ЦК Зиновьевым (он же Радомысльский Овсей-Гершен Аронович) и Каменевым (он же Розенфельд Лев Борисович) для совершения убийства руководителей партии и правительства. Именно эти выродки осуществили злодейское убийство товарища Кирова. Именно они готовили покушение на товарища Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе и других товарищей. За что понесли заслуженную кару.

Но перед этим дали исчерпывающие показания.

Которых хватило на новый громкий процесс. Состоявшийся уже через полгода. По делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», созданного по указанию Троцкого его клеветами – бывшим кандидатом в члены Политбюро ЦК Сокольниковым (он же Бриллиант Гирш Янкелевич) и бывшим членом ЦК Радеком (он же Собельзон Карл Бернгардович) для руководства всей антисовет-

ской, диверсионно-вредительской, террористической и шпионской деятельностью в стране. Чтобы вернуть власть капиталистам и помещикам. И превратить СССР в безправную колонию империалистических держав.

В центральных газетах ежедневно печаталась стенограмма с покаянными признаниями этих подонков и предателей. О том, как они обещали отдать Украину германским фашистам, а Приморье и Приамурье – японским. Как продавали военные секреты иностранным разведкам. Как организовывали взрывы на шахтах, пожары и аварии на химических заводах, крушения поездов, кораблей и самолётов.

Известный немецкий писатель Фейхтвангер выступил в газете «Правда» со статьей, в которой с удовлетворением отметил, что в ходе судебного слушания вина подсудимых полностью доказана.

Во время бесчисленных митингов советские люди с гневом клеймили троцкистскую банду подлых предателей Родины, фашистских диверсантов и наёмных убийц, презренных реставраторов капитализма. И требовали уничтожить, смести с лица земли этих гнусных тварей, этих радеков-собельзонов, потерявших всякий человеческий облик, стремившихся в море крови потопить счастливую и радостную жизнь народов Советского Союза!

В ходе недавнего февральско-мартовского Пленума ЦК товарищ Сталин выступил с докладом, в котором развил свой тезис об обострении классовой борьбы по мере строи-

тельства социализма.

– Чем больше будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы! – сказал товарищ Сталин. – Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты – это большей частью люди с партийным билетом в кармане. Их сила состоит в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет даёт им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Прикидываясь друзьями советской власти, они обманывают наших людей, злоупотребляют доверием и вредят втихомолку, – отметил он.

А потом призвал применять в борьбе с современным троцкизмом не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома!

– Всё, сказанное товарищем Сталиным в его докладе о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников в партийных организациях, целиком и полностью относится к армейским партийным организациям, – был вынужден признать в своём выступлении Начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Гамарник. – Эти факты говорят о том, что своевременной и достаточной бдительности целый ряд армейских

партийных организаций не проявили. Многие из наших партийных организаций оказались слепыми и мало бдительными...

Начальник ПУ РККА был абсолютно прав.

Прошло три месяца, и в этом убедился не только каждый командир, политработник, инженер, врач, техник, младший командир, красноармеец и краснофлотец. В том, что многие армейские партийные организации оказались слепыми и мало бдительными, убедились все.

В начале июня во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, кораблях, штабах, управлениях и учреждениях РККА был зачитан приказ Наркома обороны СССР № 072, которым личному составу было объявлено о раскрытии предательской, контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

Руководящая верхушка военной фашистско-троцкистской банды состояла из людей, занимавших высокие командные посты. В неё входили бывшие заместители Наркома обороны Гамарник и Тухачевский, бывшие командующие войсками округов Якир и Уборевич, бывший начальник Военной академии Корк, бывший заместитель командующего войсками округа Примаков, бывший начальник Управления по начальствующему составу Фельдман, бывший военный

атташе в Англии Путна и бывший председатель Центрального совета Осоавиахима Эйдеман. Конечной целью этой шайки было ликвидировать, во что бы то ни стало и какими угодно средствами, советский строй, уничтожить советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов.

В заключение в приказе наркома говорилось: «Враги просчитались. Красная Армия была, есть и всегда будет армией победившего народа, армией социалистических завоеваний! Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем её ещё более сильной и неуязвимой. Красная Армия обязана и будет иметь до конца честный, преданный делу рабочих и крестьян, делу своей Родины, подлинно свой начальствующий состав!».

В ходе закрытого заседания Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР все обвиняемые признали свою вину (за исключением Гамарника, который застрелился накануне ареста). Были приговорены к высшей мере наказания. И немедленно расстреляны.

Но перед этим дали исчерпывающие показания.

Бывший замнаркома обороны Маршал Советского Союза Тухачевский собственноручно на ста сорока трёх (!) страницах изложил план поражения Красной Армии в грядущей войне. И сдал всех своих сообщников, отвечавших за разработку и реализацию основных вредительских мероприятий.

Благодаря чему удалось разоблачить множество врагов

народа. Один за другим были арестованы все командармы 1-го и 2-го ранга, девять десятых комкоров, две трети комдивов, половина комбригов и треть полковников.

Были уничтожены, сметены с лица земли все армейские комиссары 1-го и 2-го рангов, девять десятых корпусных, дивизионных, бригадных и полковых комиссаров.

Остаться в стороне от этой всеохватывающей волны очищения флот не мог. И, само собой, не остался.

Вскоре был арестован бывший заместитель наркома обороны Начальник Морских сил РККА флагман флота 1-го ранга Орлов.

И понеслось! Один за другим были арестованы все флагманы флота 1-го и 2-го ранга, все флагманы 1-го ранга и две трети флагманов 2-го ранга. Все командующие флотами и флотилиями, все члены военных советов и начальники политуправлений флотов и флотилий, две трети командиров и начальников штабов соединений, половина командиров подлодок и почти треть командиров надводных кораблей.

На Балтике аресты начались сразу после Пленума ЦК, когда были взяты под арест военком линкора «Октябрьская революция» полковой комиссар Мухин и старпом капитан 3-го ранга Саранцев.

В начале июня арестовали начальника ВВС КБФ комдива Горбунова. В середине июля застрелился член Военного совета КБФ армейский комиссар 2-го ранга Гришин. А в начале августа забрали комфлота флагмана 1-го ранга Сивкова.

И пошло-поехало! Были арестованы командиры, военкомы и начштаба бригады эсминцев, бригады торпедных катеров, бригады подлодок, бригады заграждения и траления, командир Охраны водного района, командиры Главного военного порта, Ленинградского и Лужского военных портов, военком Военно-Морской академии, командир крейсера «Аврора», командиры и начальники БЧ нескольких эсминцев и подлодок.

До 105-й бригады волна арестов ещё не докатилась. Хотя в Управлении ВВС КБФ многие кабинеты уже освободились.

Сергей никого из арестованных балтийцев не знал. Ни из высшего комсостава, ни из среднего. Поскольку в Ленинграде служил недавно. И это было к лучшему.

Поскольку распознать врага оказалось нелегко. И было под силу, разве что, товарищу Сталину. Потому что товарищ Сталин всех троцкистов видел насквозь! А ещё – наркому внутренних дел Генеральному комиссару госбезопасности СССР товарищу Ежову. Потому что по должности было положено.

Ну, кто бы мог подумать, что прославленные Герои Гражданской войны, трижды и дважды орденосцы, кандидаты в члены ЦК, командующие войсками округов, корпусами и дивизиями, окажутся диверсантами и шпионами!

Когда Сергей конспектировал доклад товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК, то готов был подписаться под каждым словом Вождя! Блестящий Сталин-

ский анализ, ясность мысли, отточенные формулировки и неопровержимые выводы проникали в самую душу! Громить и выкорчёвывать! Только так и никак иначе! Кончилось время дискуссий! Если враг не сдаётся, его истребляют! И не важно, какие заслуги были у этих мерзавцев в прошлом. Даже, если они были. Важно то, кем стали эти изменники и убийцы!

Сергей всё лето провёл на гидроаэродроме. Во-первых, потому что холостяку домой спешить особо незачем. А во-вторых, потому что отряд (шесть самолётов и пятьдесят человек личного состава) требовал много времени и сил.

Но это время и силы были потрачены не зря!

Капитан 1-го ранга Левченко при подведении итогов учений особо отметил действия летающих лодок 105-й авиабригады. Отличное выполнение разведки. В том числе, проход в районе наблюдения. Отличное применение мер скрытности. В том числе, заход со стороны Солнца. А также атаку и манёвр в зоне зенитного огня. И оценил действия бригады на «хорошо», указав, как на недостаток, только на большой интервал между бомбовыми ударами.

Во время разбора полётов полковник Вирак от имени начштафлота объявил Сергею благодарность. А потом, уже наедине, устроил ему разнос. За авантюризм. И прочий волонтеризм. Который в реальном бою мог привести к большим потерям. Однако, немного остыв (потому что Сергей молчал, как рыба об лёд, и начальству не возражал), Вирак при-

знал. Что именно эта атака, по мнению посредников, оказалась наиболее результативной. И совсем уже успокоившись, предупредил Сергея. Почти добродушно. Что победителей не судят. Но! Если он ещё раз нарушит его приказ, то пойдёт под трибунал...

Тамара приехала в Ленинград лишь в начале осени.

Вместе с тринадцатилетней дочерью. Что, конечно же, было правильно. И давно уже надо было! Потому что дочь должна жить с матерью. Хотя, когда Сергей поставил ширму между их с Тамарой кроватью и тахтой, где устроили ребёнок, спальня (она же – гостиная, она же – кабинет, а теперь ещё и детская), и без того маленькая, стала казаться ещё меньше.

На работу она устраиваться не спешила. А смысл? Денежное содержание командира авиаотряда с надбавкой за выслугу лет составляло семьсот с лишним рублей! На гражданке больше получали только директора промышленных комбинатов-гигантов.

Но это было совсем не то, о чём она мечтала, выходя замуж за Сергея. В смысле, не пятикомнатная квартира в Доме Правительства с видом на Кремлёвские башни.

Хотя кое-что понемногу стало сбываться. Да, Ленинград – не Москва, а Гребной порт – не Красная площадь. Но! Всё-таки не какой-нибудь уездный город Ейск, а колыбель пролетарской революции! Что же касается квартиры, то пусть она была и небольшая. Но! Была уже не коммунальной, а от-

дельной.

И всё же Сергей слишком медленно двигался по службе! И до сих пор ещё не имел ни одного ордена. Часы не в счёт!

В газетах регулярно появлялись указы о награждении комначсостава РККА. И даже о присвоении звания Героя Советского Союза! За дальние перелёты. Или освоение Арктики. За успехи в бэпэ и тэпэ. То бишь, в боевой, политической и технической подготовке. Или за выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза. То бишь, за участие в справедливой борьбе испанского народа.

К концу лета только за Испанию звание Героя получили уже тридцать три человека. В том числе двадцать (!) лётчиков! Никому не известные лейтенанты в одночасье превращались в Героев на всю страну! И назначались командирами бригад. А их жёны сразу же становились жёнами комбригов. Вне очереди. Минуя все промежуточные ступени служебной лестницы.

И вообще! Ей уже практически тридцать лет, а она всё ещё жена старшего лейтенанта. А молодость проходит! И уже почти прошла. По коммуналкам и малосемейкам в каких-то грёбаных портах и бухтах! А она, между прочим, ничем не хуже Сашки Проскуровой. Которая теперь жена Героя и комбрига. Хотя ещё пару месяцев назад была женой простого старлея. Как и Тамара. А ведь они с ней ровесницы! Как и Сергей с Иваном. Который имеет такой же партстаж. И окон-

чил ВШМЛ всего лишь на полгода раньше Сергея.

А тут ещё эта комбригша хвост распушила. Сорит деньгами направо и налево. Каждый день наряжается в новые платья. И корчит из себя первую даму гарнизона. А давно ли хваталась за любую работу, чтобы прокормиться? Когда её бросил муж (комдив, бывший начальник Воздушного флота Азовского и Чёрного морей, а затем – замначальника снабжения ВВС), а она побиралась по знакомым. Пока не женила на себе своего, очень кстати овдовевшего, зятя. В смысле, мужа сестры.

И, вообще, кому какое дело, что Тамара частенько берёт портвейн в магазине? Она давно не пионерка. И сама может решить. Что ей брать и насколько часто.

Эти упрёки Сергею приходилось выслушивать едва ли не каждый вечер. Во время ужина. То бишь, домашних посиделок. На кухне. С бутылкой «Массандры». И каждый вечер обязательно завершался скандалом. Большим или маленьким. В зависимости от количества выпитого.

Тамару не останавливало даже присутствие дочери. Которая спала за стенкой. Не говоря уже о соседях. За другой стенкой. Впрочем, дом строился ещё до революции. И стенки были очень толстые. А оконные рамы – двойные. Поэтому всё, что она ему сгоряча высказывала (а он высказывал ей!), пока оставалось внутри квартиры.

Сергей за время разлуки несколько отвык от такой весёлой жизни. Но потихоньку опять втянулся. Голова с утра у

него, конечно, побаливала. Но здоровье было крепкое. Поэтому семейные дела пока не отражались на служебных.

Хотя иногда ему всё это жутко надоедало. И её упрёки постоянные. И крики о том, чтобы он нашёл себе бабу уже. И убирался к ней уже.

И тогда ему жутко хотелось убраться. Куда-нибудь далеко. И надолго. Он даже подавал рапорт с просьбой направить его для оказания помощи героическому испанскому народу. Но ему отказали. СССР поставлял республиканцам только колёсные самолёты. И морские лётчики там не требовались.

Между тем военком эскадрильи старший политрук Бессонов явно стал о чём-то догадываться. А, может, знал. Из передач сарафанного радио. Поэтому начал по утрам принюхиваться к Сергею. И усилил партийно-политическую работу. В смысле, чаще проводил душевспасительные беседы.

От которых удавалось спастись лишь в воздухе. Потому что политрук летать не умел. Бессонов когда-то целых два года был военкомом авиашколы. И при желании мог сто раз выучиться. Но однажды оказался свидетелем авиакатастрофы. И с тех пор избегал полётов даже в качестве пассажира.

В октябре состоялись общесфлотские манёвры. О которых так долго говорили. И к которым так долго готовились. Темой манёвров стала «Операция Краснознаменного Балтийского флота по срыву оперативных перевозок противника в Балтийском море и расширению оперативной зоны восточной части Финского залива», в ходе которой состоялся ноч-

ной поиск и атака линкоров «коричневых» силами эсминцев и морской авиации «красных», а также дневной эскадренный бой между линейными кораблями «красных» и «коричневых». После чего эскадру «коричневых» атаковали подводные лодки, торпедные катера и бомбардировщики.

Сергей со своим отрядом участвовал только в ночном поиске. И снова отличился. Во-первых, потому что количество взлётов совпало с количеством посадок. Что, само по себе, являлось прекрасным результатом. На фоне роста аварийности в ВВС (четыреста аварий и катастроф и сто десять погибших за год). А, во-вторых, потому что линкоры они обнаружили. И вывели на них эсминцы. Что и требовалось доказать!

Хотя в целом, по мнению комфлота флагмана 2-го ранга Исакова, авиация «работала хуже, чем морские силы». В результате чего совместный авиаудар армейской и морской авиации оказался несогласованным. А, проще говоря, не состоялся. По причине невылета 105-й авиабригады.

Которая не вылетела, что называется, по техническим причинам. В смысле, из-за небоготовности материальной части. То бишь, поплавковых гидросамолётов. Которые давно уже просились в Гражданский Воздушный Флот. Где могли ещё пригодиться. Для выполнения грузопассажирских рейсов. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. И то, лишь после капитального ремонта.

Убедить командующего отменить атаку, было нелегко. Но

полковнику Вираку всё-таки удалось это сделать. Потому что аргументы у него были железобетонные. При получении письменного приказа за подписью комфлота и члена военного совета, он подчинится, и поднимет всё, что сможет. Но перед этим. Подаст рапорт о низком техническом состоянии матчасти и высокой вероятности тяжёлого лётного происшествия с возможными жертвами.

В итоге к строптивому комбригу всё же прислушались. Но. Крепко запомнили. Чтобы припомнить. Позднее.

А Сергей вскоре был назначен помкомэска. Ему досрочно присвоили очередное воинское звание «капитан». И направили в Высшую лётно-тактическую школу ВВС РККА.

В середине декабря он уехал в Липецк. За компанию со своим соседом старшим лейтенантом Василием Раковым, который тоже был направлен на учёбу в ВЛТШ.

А Тамара осталась в Ленинграде с дочкой. Что, конечно же, было правильно. Потому что девочка только начала привыкать к новому месту жительства. Нашла себе подружек. И школу пришлось бы снова менять. Третий раз за год.

Уезжая, Сергей оставил денежный аттестат с поручением выплачивать семье пятьсот рублей ежемесячно за счёт его денежного содержания. И этого должно было с лихвой хватить. И на еду, и на обновки, и вообще.

Что-то подсказывало ему, что Тамара не любит его. Но поступить иначе Сергей не мог. Всё-таки она была его женой. И тому подобное. А жена – не рукавица! Как подметил пи-

сатель А.С. Пушкин. В смысле, с белой ручки не стряхнёшь!

Поступающие разместились в военном городке на окраине Липецка. Где раньше находился секретный германский учебный авиацентр (штаб, испытательный полигон, классы истребителей и корректировщиков). Который был создан в двадцать пятом году в соответствии с официальным соглашением между ВВС РККА и Зондергруппой R, представлявшей Рейхсвер.

Для немецких специалистов были построены жилые и учебные помещения, ангары, ремонтные и производственные мастерские, телефонная станция, стенды для испытания моторов, лазарет, а также офицерское казино и кирха.

В результате Версальского сговора Германия потеряла право иметь военную авиацию, доставившую столько хлопот Антанте. И выживала, как могла. Поддерживая квалификацию своих асов и испытывая новые боевые самолёты и гидропланы над липецкими полями и рекой Воронеж.

И только в тридцать третьем, когда рейхсканцлером был назначен председатель национал-социалистической рабочей партии Гитлер, страна воспрянула после Версальского унижения. Прекратила прятаться. И стала обучать комсостав на собственной территории. А вся материально-техническая база досталась РККА. В результате чего в ВЛТШ имелись отлично оборудованные классы и общежитие со всеми удобствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.